

НИК. НИКОЛЬСКИЙ

Ночь
НА
Днепре

БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА И МАТРОСА

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НИКОЛАЙ НИКОЛЬСКИЙ

НОЧЬ НА ДНЕПРЕ

(Из фронтового блокнота)

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1958

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Николай Сергеевич Никольский родился в 1913 году в семье служащего, впоследствии рабочего.

Окончив в 1934 г. средне-техническое учебное заведение, он работал по специальности в одном из совхозов Саратовской области.

С 1938 г. он — на партийной работе: культпрот райкома партии, затем секретарь Калининского обкома ВЛКСМ по пропаганде.

В начале войны т. Никольский окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и был направлен на политическую работу в действующую армию.

Он принимает участие в боях на Северо-Западном, Калининском, Сталинградском, Донском, Юго-Западном, 3-м Украинском фронтах.

За боевые заслуги был награжден тремя орденами Красного Знамени; за форсирование Днепра т. Никольский был удостоен звания Героя Советского Союза.

В настоящее время находится на политической работе в Советской Армии.

«Ночь на Днепре» — первое литературное произведение Н. Никольского. В этих своих записках автор рассказывает о людях, принимавших участие в боях за Днепр.

1. И СНОВА С ОДНОПОЛЧАНАМИ

Осень все больше входила в свои права. Реже показывалось солнце. Над землей нависали лохматые облака. Часто шел скучный, мелкий дождь. Деревья в саду пожелтели. Уныло шелестели под ногами опавшие листья.

В такую погоду еще длиннее и однообразнее казались Сергею Князеву дни в госпитале. Ненастье заставляло его часами оставаться в помещении. Сергей аккуратно исполнял все предписания врача, надеясь, что этим хоть на неделю сократит свое вынужденное безделье. Тренируя раненую ногу, он подолгу бродил по госпиталю, ежедневно утром и вечером делал лечебную гимнастику...

И вот, наконец, долгожданный день пришел: ему разрешили выписываться. Еще с вечера Сергей попросился

с врачами и сестрами госпиталя, обошел всех своих знакомых.

А утром следующего дня на попутной машине, груженной вещевым имуществом, он уже ехал к фронту. Вместе с ним в кузове примостились пять бойцов той же дивизии, так же, как и он, выписавшихся из госпиталя.

Мелькали разоренные села, изрытые траншеями и воронками голые осенние поля. Но Сергей не замечал окружающего: он весь был поглощен предстоящей встречей с родным батальоном. Ведь немалый путь пройден с боевыми друзьями — от Волги до Днепра. Однако при въезде в Запорожье Сергей как бы встряхнулся и с интересом стал рассматривать незнакомый город. На каждом шагу виднелись свежие следы войны: черные пепелища пожарищ, разрушенные бомбардировкой здания, порванные провода и вывороченные столбы, воронки от снарядов, битое стекло. Попадались улицы, сплошь превращенные в развалины.

Встречные машины задержали грузовик, на котором ехал Князев. Остановились против разрушенного старинного здания. Оно, по всей вероятности, было взорвано врагом перед самым отступлением. Еще шли работы по раскопке: мужчины в гражданском извлекали из-под обломков пострадавших. Вот из перекошенного парадного вывели под руки женщину. Ее голова бессильно откинулась.

— Мерзавцы! Ах, мерзавцы! — проговорил пожилой солдат, сидевший на ящике против Князева. Одутловатое лицо его, изрытое шрамами, показалось Сергею знакомым. «Неужели из нашего батальона?» — подумал он. Когда остались позади последние домики окраины города, Князев неуверенно спросил:

— Исаков?

Солдат, явно довольный, улыбнулся одними глазами.

— Он самый, товарищ старший лейтенант.

— Из седьмой роты?

— Так точно. Из седьмой. Политруком вы у нас были.

Сергей встал и крепко пожал руку солдату.

— Не признал я вас сразу.

— Не мудрено, товарищ старший лейтенант. Видите — карточку мою поцарапали как? Дней двадцать назад и совсем бы не узнали.

Исаков улыбнулся, но лицо его, скованное рубцами, оставалось неподвижным, улыбка отразилась только в глазах.

Сергей вспомнил бой в районе Голой Долины. Немцы тогда неожиданно ударили во фланг седьмой роте, смяли первый взвод, и, если б не Исаков, вовремя открывший огонь из ручного пулемета, быть бы катастрофе.

— Помню, помню, как ты немцев из пулемета косил. Значит, опять в свою роту?

— Своя рота — дом родной. Куда ж еще. А мы с вами, товарищ старший лейтенант, кажется, впору попадем. К самым боям. К Днепру, говорят, наши подошли.

— Да... Будем форсировать. Попьем водички из Днепра.

— Вот и я думаю. Уж очень мне в госпитале тошно было. Такое дело, думаю, обидно на койке пролежать.

— Все б ничего, товарищ старший лейтенант, только союзнички наши финтят, — вмешался в разговор рыжий сержант, сидевший на ящике рядом с Исаковым. — Я так считаю: выступи они сейчас по-настоящему, не для пыли... ну, скажем, во Франции где-то... дело бы по-иному завертелось. Глядишь, к весне и войне бы конец.

К разговору один за другим стали присоединяться остальные бойцы. На старшего лейтенанта они поглядывали с интересом, ожидая, что он сообщит что-нибудь новое, о чем они еще не слышали. Князеву пришлось рассказать о совместной декларации союзников, о приезде Идена и Хелла в Москву.

— Хитрят они всё. Не верю я им! — покачал головой рыжий сержант.

За разговором незаметно доехали до дивизионного обменного пункта. Здесь Князев распрощался со спутниками и вместе с Исаковым на первой же машине направился в свою часть.

Во второй половине дня Князев прибыл на командный пункт дивизии. Начподив обрадовался возвращению парторга батальона. Он расспросил Князева о госпитале, ознакомил его с обстановкой, надавал кучу советов, как готовиться к форсированию Днепра, и в заключение горячо пожелал успеха.

«Да... вовремя вернулся, — взволнованно думал Князев, направляясь в свой батальон. — Задержись на день-два, и не быть бы тебе, Сережа, участником борьбы за Днепр». Он шагал по глубокой траншее, тянувшейся по левому берегу реки, и чем ближе подходил к расположению батальона, тем сильнее волновался. Вот сейчас, через какие-нибудь двадцать — тридцать минут, он увидит старого друга Белова, комбата, увидит санинструктора Веру Казакову... При мысли о Вере сердце старшего лейтенанта забилось сильнее, и он невольно ускорил шаг.

В тесной землянке комбата только что закончилось совещание. У выхода из нее Князев и встретился с офицерами батальона.

— Дружище! Приехал! — загудел командир минометной роты, первый облапив Сергея своими огромными ручищами. — Ах, молодчина! Рад! Очень рад тебя видеть.

Друзья окружили Сергея.

— Знает наш парторг, когда приехать!

— Давненько поджидали.

— Здорово, Сережа!

Последним из землянки выбрался лейтенант Белов, высокий, худой человек лет тридцати с очень серьезным и потому будто сердитым лицом. Он растолкал товари-

щей и по русскому обычаю трижды поцеловался с Князевым.

— Дай-ка разглядетъ, каков ты стал, — проговорил он, не выпуская из рук товарища, а только отстраняя его от себя. В глазах Белова светилась радость. — А мы по тебе затужились... пропал. Ах, вовремя ты, Сережа! Так вовремя...

Сергей Князев действительно вернулся в самый разгар событий. Гвардейская дивизия, подойдя к Днепру, усиленно готовилась к форсированию реки. В ничем не примечательной деревушке Кайдари, раскинувшейся по левому берегу, во всех ее дворах, садах, ригах, в обветшалых землянках и траншеях, оставленных два года назад нашими войсками, кипела горячая, скрытая от посторонних глаз работа. Гвардейцы сбивали плоты, мастерили новые и латали старые рыбацьи лодки, наскоро строили другие переправочные средства.

За время войны Сергей не один раз участвовал в больших наступательных боях. Но, кажется, никогда еще не испытывал он такого праздничного подъема, такого бодрого возбуждения, какое охватило его сейчас, накануне Днепровской операции. Весь день он был в батальоне: инструктировал агитаторов, поводил беседы с редакторами боевых листов, знакомился с личным составом рот, получивших новое пополнение, следил за тем, как батальон готовит плоты и лодки для переправы, — и всюду он наблюдал то же повышенное, боевое настроение. Люди думали не о том, что их ждет тяжелая переправа, ждут ожесточенные бои на правом берегу, где враг готовится к смертельной схватке, а о том, чтоб скорее приблизить час этой схватки.

Сергею приходилось даже напоминать некоторым командирам о трудностях, какие будут еще впереди.

— Знаем, Сергей Викторович, что не блинами нас встретят, — посмеиваясь, возражал своему приятелю лей-

тенант Белов. — Нам бы только уцепиться за берег, а там не удержишь нас. Завтра в Днепропетровске будем.

Закружившись в делах, Сергей не смог выбрать свободной минуты, чтоб встретиться с Верой Казаковой, но все время помнил о ней и знал, что она где-то здесь. Вечером, направляясь на партийное собрание в землянку к комбату, он совершенно неожиданно столкнулся с ней в изгибе траншеи. Они оба растерялись и с минуту стояли неподвижно.

— Сережа! Ты? — первой воскликнула Вера. Ее обветренное милое лицо просияло от несдерживаемого, рвущегося наружу счастья.

Сергей взял ее маленькие горячие руки, пожал их.

— Я, Веруша, я, здравствуй!

— Ой, как ты похудел! — Она погладила пальцами синевато-красный шрам на его щеке. — А почему ты раньше времени ушел из госпиталя? Ты ж совсем недавно писал, что лишь через месяц выберешься из этого почтенного учреждения?

— То, что писал, — сущая правда, — улыбнулся Сергей. — Об этом долго рассказывать, Веруша. Разве можно лежать в такое время на больничной койке!

— Значит, ты попросту сбежал из госпиталя?

— Да нет, нельзя сказать. Задерживаться, правда, не хотел, но ушел по-хорошему, честное слово, — заверил Сергей, любясь ее построжавшим вдруг лицом. — А впрочем, это и не столь существенно. Осколки вроде все вытащили, раны затянуло, ходить можно. А что нужно еще солдату?

— Вечно ты такой...

— Да ты не сердись. Сама вон осунулась, побледнела...

Ему захотелось поцеловать ее, но он не решился и лишь заправил ей за ухо выбившуюся из-под пилотки густую прядь волос.

— Скоро увидимся, Веруша. Я, кажется, с вашей ротой пойду. Ну... — Он помахал рукой.

Коммунисты собирались в землянке комбата и в прилегающей к ней траншее. Тускло мерцали две жестяные копилки. Открывая собрание, Сергей силился разглядеть присутствующих, но видел только первые ряды сидевших в землянке, а задние ряды и те, кто остался в траншее, почти сливались в полутьме в общую массу.

Комбат сделал доклад о задачах коммунистов в предстоящем форсировании. Затем начались выступления.

Сергею не приходилось упрашивать и подталкивать, как бывало иногда на собраниях, — коммунисты наперебой просили слова. Прислонившись к стене землянки, он смотрел на выступавших, и ему не верилось, что еще только вчера лежал он в госпитале, казалось, что он уже давно, давно находится среди боевых друзей.

Через несколько часов они пойдут в бой. Хотелось быть в седьмой роте, где Вера, Белов... Но замполит еще не дал своего разрешения.

Сергей выступил последним. Заканчивая свою короткую речь, он вновь напомнил коммунистам:

— Прямо скажу, форсирование — дело нелегкое. Днепр — вот он какой. И враг зубами за него будет держаться. От каждого из нас потребуются предельное напряжение сил и воли к победе. По высадке на берег, как указывал командир, атаковать энергично, напористо, не давать врагу закрепляться. Мы, коммунисты, должны личным примером увлекать других...

Когда закончилось собрание, до начала операции оставалось часа полтора. Расходились в темноте. С правого берега доносилась редкая пулеметная стрельба, огненные трассы прошивали ночную мглу. Низко нависло черное беззвездное небо. Внизу чуть слышно шуршал прибрежной волной невидимый Днепр.

На нашем берегу было тихо, но тишина была призрачной: полки гвардейской дивизии уже изготавливались к броску...

2. НОЧЬ НА ДНЕПРЕ

Ровно в двадцать четыре часа бойцы и офицеры гвардейского полка Мозуренко начали переправу. И почти в этот же час с правого берега ветеоок донес приглушенное русское «ура». Там вспыхнула автоматная и пулеметная стрельба, тяжело заухали вражеские пушки. Загудел и левый берег: содрогая землю и воздух, подала могучий голос советская артиллерия. Несколько раз проиграла прославленные «катюши». Их снаряды описали в темном ночном небе многочисленные добела раскаленные крутые дуги, накрывая оборону врага на противоположном берегу. На месте их падения взвились яркие столбы пламени.

Широкий Днепр пересекали трассирующие пули. Все чаще рвались на левом берегу, в расположении дивизии, вражеские снаряды и мины. Но уже ничто не могло остановить непрерывного, стремительного потока гвардейских подразделений. Первые части десантников прочно зацепились за правый берег.

В третьем часу ночи, заметно прояснившейся, начала переправу седьмая рота.

В предыдущих боях она понесла значительные потери и была сведена в два взвода. Теперь в ней не насчитывалось и половины её обычного штатного состава. В распоряжении седьмой роты находился плот, две рыбацьи лодки и одна надувная, резиновая; от берега их отделяла неширокая полоса воды. Закинув за пояс полы шинелей и крепко сжимая оружие, гвардейцы преодолевали речную отмель. Легкое бултыхание воды сливалось с короткими, приглушенными голосами бойцов. Изредка слышались строгие замечания командира роты лейтенанта Белова.

— Плотнее, плотнее рассаживайтесь! Держать равномерно!

Белов сам проверял, как рассаживается каждое отделение. Полы его легкой шинели, как и у всех бойцов, были заткнуты за поясной ремень. Брюки на коленях промокли, правый сапог безнадежно тек, и вода уже хлюпала в нем. Но настроение у лейтенанта было превосходное. Под вечер он раздобыл еще одну лодку, надувную, и теперь рота рассаживалась свободно, имея запас мест на всякий случай. Как и весь батальон, седьмая рота переправлялась во втором эшелоне. Ей ставилась задача — нарастить удар в том направлении, где полк к моменту высадки достигнет большего успеха. Подполковник Мозуренко давно был на правом берегу; мысленно был там и Владимир Белов и уже представлял, как его седьмая, свежая, рота с ходу вступит в бой на линии немецкой обороны, перед которой задержался Мозуренко. Белов знал, что на том берегу сейчас дорог каждый вновь подоспевший взвод, и торопил своих гвардейцев.

Плот еще не загрузили полностью, когда к месту посадки подбежал Сергей Князев.

— Принимай пополнение, Владимир Васильевич! — весело проговорил он, останавливаясь перед командиром роты. — Замполит посоветовал с вами переправляться. В седьмой, говорит, офицеров мало.

Белов крепко сжал руку парторга, показывая этим, что он рад такому пополнению. Быть на правом берегу со старым другом и помощником — о подобном счастье он и мечтать боялся. «Везет мне сегодня, — подумал он. — Все ладится». А вслух сказал:

— Садись на надувную, Сергей Викторович. Вместе будем.

— Нет, я на плот. Сейчас лучше врозь, — негромко возразил Сергей и шагнул в воду.

А с плота уже слышались возбужденные голоса бойцов.

— Сюда, сюда, товарищ старший лейтенант! Вот мы!

Едва он подошел, несколько рук протянулось ему навстречу, помогли выбраться из воды. Под ногами закачался плот. Бойцы отодвинули в сторону пулемет, подставили магазин с заряженными лентами и предложили парторгу садиться.

— Благодарю вас, товарищи, — Князев для устойчивости шире расставил ноги и, не присаживаясь, осмотрел гвардейцев.

Несколько месяцев назад он хорошо знал каждого человека в седьмой роте, и не только по фамилии, но и по характеру, по привычкам, по боевым качествам. Однако за последнее время личный состав роты сильно обновился, и теперь многих парторг видел впервые. Он разглядывал неясные в полутьме лица окружавших его солдат, отыскивая среди них знакомых. Заметив рослого, плечистого сержанта с ручным пулеметом, судя по всему, главного здесь, Князев радостно спросил:

— Круглов, ты? Я не ошибаюсь?

— Никак нет, не ошибаетесь, товарищ старший лейтенант, он самый. У вас хорошая память, — улыбнулся старший сержант.

— Значит, жив-здоров? Молодчина... Под твоей командой переправляемся?

— Вроде бы так. Мой взвод.

В недавних боях на Северном Донце Круглов, в то время ефрейтор, связками гранат подбил два вражеских танка. Тогда Князев проводил беседы с бойцами своей роты о его подвиге. «Хорошо, что Круглов здесь, — подумал Сергей, — надежный командир, с такими воевать легче. Жаль — некогда, а то бы рассказал о нем новичкам».

Взгляд его задержался на маленьком щуплом бойце с продолговатым лицом.

— Знакомый... но забыл фамилию.

— Рядовой Васин, товарищ парторг. На Донце, помните, привел к вам того здорового обера, что мертвым прикинулся.

— А-а... Верно... помню такое дело, — улыбнулся Сергей, радуясь новой встрече со старым бойцом. — Ты, кажется, ранен был?

— Позавчера вернулся. Под Барвенковым меняхватило. Думал отстану, но роту свою все же разыскал, — словоохотливо рассказывал Васин; голос его был по-мальчишески звонкий и бодрый.

— Что роту нашел, — молодец. На войне ранение — дело нередкое. Но как вылечился, обязательно ищи своих, — говорил Князев, обращаясь больше не к Васину, а к молодым и незнакомым бойцам.

Из «старичков» он отметил еще ефрейтора Ануфриева, с которым только что виделся на батальонном партсобрании. «Трое «старичков». Неплохо», — подытожил Князев.

Над плотом прошелестело несколько вражеских мин. Близкие разрывы заглушили на мгновение шум боя на плацдарме. Кое-кто из бойцов опасливо съежился. Это не укрылось от взора парторга. Стараясь подбодрить людей, он спросил:

— Значит, на правый берег, друзья? А ведь заждались нас там. Теперь пойдем вперед — не остановишь!

— Верно, вон нас сила-то какая! — слышались в ответ бодрые голоса. Но с середины плота кто-то произнес с плохо скрытой тревогой:

— Да и фриц-то ошетинился, стреляет — только держись!

Князев приподнялся на носках, стараясь лучше рассмотреть заробевшего бойца.

— Ничего! Не так страшен черт, как его малюют. Одолеем!

— Одолеем, товарищ старший лейтенант! — веско, за

всех, ответил командир взвода Круглов. — За тем и переправляемся.

Посадка заканчивалась. Сергей увидел, как к рыбацкой уже почти заполненной лодке, что чернела вблизи от плота, подошла по воде Вера Казакова с автоматом на шее и своей неразлучной медицинской сумкой. Ей стали помогать садиться, но, видимо, перестарались, и лодка сильно качнулась. Вера потеряла равновесие и упала бы, если б ее не поддержали крепкие солдатские руки. Усадили Веру в середине, на лучшее место. До Сергея долетели добродушные остроты, голоса одобрения, советы, как лучше устроиться.

Сел и лейтенант Белов в свою надувную очень подвижную лодку.

— Поспешай, дорогой, — напутствовал его комбат, стоя по колена в воде. — Желаю успеха. Как ступишь на берег — сразу на левый фланг. Впрочем, там тебя связной командира полка встретит.

Белов ответил четко и уверенно:

— Все будет исполнено, товарищ гвардии майор! — И обернулся к солдатам: — Ну, пошли...

Тронулись все одновременно, и полоса берега медленно стала отходить назад. Ведущим шел командир роты. Следом за ним на рыбацкой лодке с частью своих бойцов — командир первого взвода старшина Сотников, ветеран полка, опытный десантник; остальные бойцы его взвода переправлялись на второй рыбацкой лодке. Второй взвод полностью разместился на плоту.

Степennyй, предусмотрительный Круглов указал каждому бойцу определенное место и так расставил вооружение и боеприпасы, что плот держался устойчиво. Черная вода тихо плескалась о бревна.

Скоро левый берег исчез в темноте.

Вражеские снаряды и мины все чаще и чаще шурша

проносились над головами гвардейцев и с грохотом рвались на левом берегу Днепра. Усиливала огонь и советская артиллерия. Заметно было, как с каждой минутой разрастался бой на плацдарме. Цепочки трассирующих пулеметных очередей скрещивались над рекой. Усиливался минометный обстрел, мины чаще стали рваться и в воде.

Белов неотрывно смотрел на правый берег. По вспышкам выстрелов и разрывов, по гулу боя он угадывал, что там происходит, и мысленно уже вел свою роту по лощинке, отмеченной на карте. Эта извилистая лощинка глубоко вклинивалась в берег и, судя по всему, была как раз на левом фланге, на

захваченной полком территории. Она позволяла без особых потерь подвести роту к передовой линии.

«Метров на четыреста оттеснили от берега, — на глаз определил Белов. — Мозуренко, наверное, уже все резервы ввел в бой. Нас ждет». Он вдруг ясно почувствовал, какое напряжение испытывает сейчас командир полка, и его охватило нетерпеливое желание двигаться как можно быстрее. Однако тяжелые лодки и еще более тяжелый, неповоротливый плот не могли угнаться за легкой резиновой, и приходилось поневоле равняться на них. Судя по вспышкам на обоих берегах, прошли не больше одной трети реки. Белов придержал свою лодку, чтоб сблизиться с ротой, поторопить гребцов, и уже собрался крикнуть Сотникову, но... в этот момент темнота над рекой внезапно исчезла. Лодки и плот, только что казавшиеся черными пятнами, стали видны словно в лунную, очень ясную ночь. Можно было рассмотреть бледные лица бойцов, автоматы в руках; даже тень от лодок появилась на мерцающей, светлой, словно ожившей воде.

— Ракеты повесил, товарищ лейтенант. Бомбардировщик, — сразу осипшим голосом сообщил сидевший на веслах боец.

Белов и сам увидел пять ярких, ослепительного накала звезд, подвешенных на парашютах. Все они были справа от роты, и вода под ними загорелась, заискрилась. Какими беспомощными в этом беспощадном сиянии показались Белову медленно плывущие по реке плоты и лодки, заполненные бойцами! Седьмая рота переправлялась много левее других, она оказалась не в центре, а на краю освещенной ракетами площади. Белов мгновенно оценил обстановку и, подавляя вспыхнувшую тревогу, приказал спокойно и громко, так, чтобы услышали и на отставшем плоту:

— Нажать на весла! Увеличить дистанцию! Выходить из освещенной полосы!

И первый, изменив курс, пошел влево, по течению, надеясь обмануть врага, вывести роту из-под удара.

Но немецкие батареи уже засекли цель. Лодки еще не вышли из освещенного участка, как слева от плота упала первая мина. Следующая разорвалась правее и ближе, а третья угодила между двумя лодками.

Белов увидел высокий столб воды, взметнувшийся на месте взрыва и скрывший на секунду заднюю лодку, услышал чей-то стон. «Быстро пристрелялись... опытные минометчики», — с досадой и тревогой подумал он.

Спасительная темнота уже скрыла резиновую лодку, уже выходили из освещенной площади обе рыбацьи лодки. Но минометчики действительно оказались опытные: батарея ударила залпом и точно накрыла роту. За водяными фонтанами Белов не сразу увидел, что натворил этот залп; он только заметил, что ближняя к нему рыбацья лодка перевернулась. «Братцы!» — пронесся над рекой отчаянный короткий вскрик. «Неужели в плот угодило?» — испугался Белов. Сердце учащенно забилось. «Назад!» — приказал он гребцам и наклонился над круглым мягким бортом, вглядываясь в темноту.

Но в плот не попало. Его только качнуло волной, заставив кое-кого вскочить, а иных — уцепиться за соседей. За Князева тоже судорожно ухватился незнакомый боец из новичков.

— Спокойно, товарищи. Спокойно! — Сергей старался говорить обычным своим голосом, показывая всем, что ничего страшного не случилось. — На войне как на войне. Кого там, Круглов, перевернуло? Сотникова, кажется?

— Старшину, товарищ старший лейтенант.

— Ничего. Всех подберем. А ну-ка, товарищи, налегай на весла!

Осветительные ракеты еще горели далеко справа, но свет их почти не достигал роты. Сергей присел на кор-

точки, чтоб лучше видеть. В серой полутьме слабо блестело днище опрокинутой лодки и чуть различались головы людей, барахтавшихся в воде.

Плот двигался прямо на них. Вскоре он стукнулся о днище лодки. За его края ухватилось сразу несколько человек. Им помогли выбраться из воды. Последним парторг и Круглов вытащили на плот старшину. Сотников несколько секунд стоял на коленях, низко опустив голову и не пытаясь подняться на ноги. И вдруг, покачнувшись, словно от толчка, повалился на бок.

— Вы что, Сотников, ранены? — тревожно наклонился над ним парторг.

— Контузило вроде, — невнятно прохрипел старшина. Он хотел что-то еще сказать, но вблизи снова разорвалось несколько мин. Плот сильно накренило, обдало волной. Грузно сорвался в воду станковый пулемет. С соседней лодки закричали: «Спасайте! Тонем!» Она держалась на воде нормально, но бойцы почему-то стали выпрыгивать из нее. На носу лодки сидела лишь Вера Казакова и придерживала припавшего к ее плечу бойца, очевидно, раненого.

— Борта пробило, товарищ старший лейтенант! — догадался Круглов. — Скорее, хлопцы. Спасай сестру! — Он оттащил от края плота неподвижного Сотникова и сам взялся за весла.

Лодка оседала, наполняясь водой. Когда плот подошел к ней, борта ее лишь сантиметра на два возвышались над поверхностью реки. Князев протянул Вере руку. Она легко перескочила на плот и вместе с Сергеем начала стаскивать с лодки раненого.

Грузный и вымокший боец терял сознание, его переправили с большим трудом. Вслед за ним вытащили на плот четырех барахтавшихся в воде солдат. Один из них отчаянно ругал немецкую батарею.

Нагрузка на плот резко возросла, он угрожающе оседал. А за край его цеплялись из воды еще двое.

Кто-то не выдержал на плоту — в минутной тишине глухо прозвучал панический голос:

— Хана теперь. Не доберемся.

— Кто там труса празднует? — строго оборвал Князев, резко повернувшись на голос.

— Яшка Духовный.

— Духовный?

— Он вечно такой, — пояснил кто-то из бойцов.

В этот момент подъехал Белов. Осветительные ракеты догорели. В темноте, вновь окутавшей реку, лейтенант увидел, что на плоту разместились чуть ли не все бойцы двух взводов. Обе лодки затонули у него на глазах, и Белов ожидал больших потерь. «А может, раненых много?»

На плоту люди сидели так тесно, что в темноте никого нельзя было узнать. Он окликнул Князева.

— Порядок, товарищ лейтенант, — отозвался с другого конца плота бодрый голос парторга. — Прими от нас двух человек, и можем двигаться.

У Белова отлегло от сердца. Он взял не двух, а четырех человек и, выровняв свою шаткую лодку, сейчас же отчалил от плота.

— Поспевайте за мною, товарищ старший лейтенант. Да нажимайте на левый борт. Нас здорово отнесло.

Белов нервничал. Минометный обстрел задержал переправу, рота выбилась из графика и шла сейчас к неведомому тихому берегу. «Высаживаться здесь? А вдруг налетишь на немецкую оборону? Задержишься еще больше, а Мозуренко ждет». От далекого Сталинграда Белов двигался на запад с ним вместе и никогда не подводил командира полка, а тут, в такой ответственный момент... Белов не утерпел — приказал разворачиваться и идти строго вверх против течения.

— Правильно, надо торопиться на подмогу к своим, — поддержал ротного Князев. — Берите у кого что есть под рукой, — обратился он к бойцам.

Течение было немалое, и вначале казалось, что плот и лодка стоят на месте. На самом же деле они медленно, но все же ползли вперед, вдоль правого темного берега, до которого оставалось не больше двухсот метров. Вскоре с реки стал доноситься шум, отдельные голоса, а потом обозначились очертания переправляющихся на правый берег плотов и лодок. Плацдарм приближался. Бойцы оживились, стали грести сильнее.

На беду ночной бомбардировщик вновь «развесил» над рекой до десятка осветительных ракет. Мерцающий свет одной из них выхватил из темноты плот и лодку. И хотя гвардейцы, развернувшись к берегу, быстро уходили из освещенного поля, враг все-таки успел накрыть роту минами. Плот и лодка закачались, как щепки в море. Но течение уже вынесло гвардейцев из-под огня. И если несколько минут до этого солдаты ядовито острили, ругая его, то сейчас они были благодарны течению.

Осколками мин ранило двух бойцов в лодке, а сама она получила пробоины в верхней части. В рваные отверстия с шумом вырывался воздух. Их заткнули, но воздух все же выходил. Князев, рискуя затопить плот, принял от Белова трех человек. Плот осел еще глубже. Двигаться дальше против течения стало невозможно — каждую минуту могла случиться катастрофа.

Белов скрепя сердце приказал поворачивать к берегу.

3. НА ТОЙ СТОРОНЕ

«Не выполнил приказ» — эта мысль гвоздем засела в голове лейтенанта Белова. Берег был еще далеко, еще могла случиться авария с тяжелыми, до предела перегруженными плотом и лодкой, но это уже отошло как-то на вто-

рой план. Главное — не выполнен приказ. Командир полка задыхается там под натиском контратакующих немцев, каждый человек у него на счету, а их занесло чёрт-те куда.

Громада берега, увалами — неразличимыми сейчас — подымавшаяся над рекой, начала заволакиваться сизым туманом. С плота, шедшего сзади, время от времени доносился тихий голос парторга: «Осторожно! Дружней!» Стрельба над этой частью реки совсем утихла.

Белов посмотрел на часы со светящимся циферблатом — без десяти четыре. А в три тридцать рота должна была уже высадиться на плацдарме. Отнесло их, пожалуй, километра на два, еще час уйдет, пока доберешься до своих. Как лучше идти? Бергом? Много обрывов, да и пристреляно, наверно, всё; лучше подняться наверх и идти напролом, сбивая вражеские посты. Большое сопротивление вряд ли они встретят: немцы, очевидно, оттянули силы к плацдарму. А если будет? Половину роты потеряешь, пока пробьешься. Хороша помощь Мозуренко — потрепанная рота!

Душевный подъем, какой ощущал Белов, отправляясь с левого берега, сменился раздражением, досадой и неуверенностью. Весь план полетел кувырком. Лейтенанту захотелось сейчас же, немедля, повидать парторга, посоветоваться с ним...

Обрывистый склон позволил лодке подойти вплотную к берегу. Белов первый выпрыгнул на землю, за ним соскочили бойцы. Он приказал им пройти метров на двадцать вглубь и на всякий случай залечь.

Приближался к берегу и плот, выступая из темноты черной, неопределенной массой. Белов расслышал негромкий голос Князева: «Ну что, Духовный, добрались?!» На плоту кто-то тихонько и радостно засмеялся. И снова голос парторга: «На то мы с вами и гвардейцы, чтоб всякие преграды преодолевать». Говорил парторг тихо, но таким спокойствием и бодростью веяло от его слов, от его род-

ного голоса, что и Белов почувствовал себя легче, уверенней.

Плот, черкнув нижними концами бревен об отмель, остановился у берега. Бойцы разом зашевелились, послышались облегченные вздохи, веселые шутки.

— Тихо, друзья, — предупредил парторг.

Он соскочил на песок. Белов протянул ему руку, помогая, а потом обнял Князева за плечи, делая вид, что просто так поддержал, чтоб тот не упал, не споткнулся в темноте.

— Вот мы и дома, Владимир Васильевич! — сказал Сергей. Он потопал ногой о землю, будто пробуя, не качнется ли. — Счастливо отделались.

— Я бы не сказал...

— Ого! Ты вроде нос повесил? Нет, Владимир, именно счастливо. Из-под такого огня вырвались почти невредимыми.

— В это время мы на плацдарме должны быть.

— Придем и на плацдарм. Теперь мы на твердой земле, всё в наших руках... Будем пробиваться берегом? Или по взгорью пойдём?

Решили подняться метров на сто от реки, идти верхом...

Бойцы оживленно и торопливо разгружали плот, сносили на берег имущество. Белов увидел, как неуверенно прыгнул на землю Сотников и, споткнувшись, упал.

— А вы зачем сошли? — спросил он, тронув старшину за плечо; шинель старшины была мокрая, хоть выжимай. — Вы не можете идти, контужены. Езжайте обратно, в медсанбат.

— Никак нет, товарищ гвардии лейтенант. Я отдышусь.

По голосу старшины лейтенант понял, что тому очень плохо. Однако Сотников упрямо пытался встать на непослушные ноги. Лейтенант поддержал его.

— Походи по берегу. Согрейся... Исаков, помоги старшине отжать шинель. Всем, кто купался в реке, тоже отжать шинели.

Белов уточнил потери — восемь человек погибло, четверо ранено; станковый пулемет утонул. «Пожалуй, прав парторг — счастливо отделались». Оптимизм Сергея, бодрое настроение бойцов, бесшумно и хлопотливо сновавших вокруг, — все это успокаивающе подействовало на Белова. К нему вернулись его обычная уравновешенность и деловитость. «Прав Сергей — теперь мы на твердой земле, все в наших руках. Хоть и запоздали, но когда явемся неожиданно к Мозуренко, тоже будет неплохо». И Белов подбодрился, забегал по берегу, подготавливая роту к выступлению.

Четырех раненых уложили в надувную лодку. Лейтенант приказал бойцу Иванову доставить их на свой берег и доложить командиру батальона о положении роты и о принятом им решении идти на соединение с основными силами.

Когда лодка отчалила, лейтенант «выстроил» оба взвода. Края шеренги терялись в темноте. Далеко справа светилось белесое зарево. Оттуда доносился шум: выстрелы, разрывы снарядов, рев самолетных моторов — обычный шум боя. А здесь было тихо. Перед ними чернел таинственный берег, таящий неведомые пока опасности. Но что бы ни ждало их впереди, они все преодолеют, должны преодолеть. Вот она, его гвардейская рота, готовая двинуться вперед по первому его знаку. Объяснил задачу.

— Тронулись, товарищ старший лейтенант?

— Пора.

Видимость была настолько плохая, что с трудом можно было различить человека в пяти — шести шагах. Каменистый неровный берег круто подымался вверх. Вскоре до-

шли до бойцов, высланных в дозор. Белов выделил передовое охранение, позвал командиров взводов и отдал приказ о порядке дальнейшего следования.

Рота двигалась почти параллельно реке. Берег несколько выровнялся, стал не так крут. Тишину нарушал лишь шорох шагов, легкое царапание каблуков о камни да иногда приглушенное бормотание оплошавшего бойца, облегчавшего этим душу.

Не прошли и сотни метров, как откуда-то сверху и сбоку послышался отрывистой, предупреждающий окрик: «Хальт!» И тут же последовала длинная автоматная очередь. Впереди тоже заработали вражеские автоматы. Стреляли с близкого расстояния, но наугад и разрозненно.

Белов, осмотревшись кругом, решительно повернул роту к противнику и приказал без крика и лишнего шума идти на сближение. Он первый побежал вперед, но гвардейцы быстро обогнали его и вырвались на возвышенность. Впереди чуть обозначилась земляная полоска — траншея врага; в ней вспыхивали редкие огни выстрелов.

Сергей Князев, бежавший со взводом Сотникова, с ходу швырнул в нее гранату. Как и предполагал Белов, в траншее было вражеское охранение из нескольких человек. Сдержат стремительный бросок роты они не могли. Через какую-нибудь минуту траншея оказалась в руках гвардейцев.

Все произошло настолько быстро, что наступившая вдруг тишина показалась неестественной.

Но длилась она недолго. Не успели Белов и Князев сойтись вместе, не успели договориться, что делать дальше, как справа и слева заработали десятки вражеских автоматов, сразу же поддержанные плотным пулеметным огнем с обоих флангов. Туго бы пришлось гвардейцам, если б они не заняли траншею и попали бы под такой

огонь на ровном месте! «Молодец Владимир. Энергично действовал», — мысленно похвалил ротного Князев, стараясь по огню определить численность противника.

Пулеметы внезапно смолкли. В наступившей тишине сначала неясно, потом все громче, отчетливей, ближе возник непонятный шум, как будто бежала большая толпа людей в тяжелых кованых сапогах.

— Похоже, в контратаку бегут, Владимир Васильевич. Опомнились.

Белов чуть высунул голову, прислушался.

— Так, так, хорошенькое дельце, — проговорил он и сердито передал по траншее: — Без команды не стрелять!

— Посмотрим — много ли? Может, втихую их перебьем? Не хотелось бы шум подымать, — обернулся он к Князеву.

— Втихую может не получиться, — возразил Князев. — На штык не посадишь, винтовок у нас нет. Зачем лишние потери.

— Посмотрим.

По шуму, доносившемуся с косогора, Белов безошибочно определил, что враг идет на сближение цепью.

— Все-таки, если не так много, подпустим. Перебьем прикладами... Хотя... Э-э, — протянул он с досадой, различая впереди неясные контуры бегущих людей. — Не меньше взвода... К отражению атаки изготавьсь! Стрелять по команде! Пулеметчикам — короткими очередями!

Приказы ротного передавались по цепи вправо и влево. Гвардейцы давно изготавились; каждый из них, сжимая автомат и не шевелясь, молча ожидал приближения врага. Туман немного рассеялся, и теперь вся рота видела, как фашисты, пригнувшись, густой цепью бежали к траншее. Местность, очевидно, была неровная, некоторые спотыкались, падали и тут же вскакивали, нагоняли цепь.

Рота молчала. В эти напряженные секунды каждый гвардеец, легонько прижимая указательный палец к спусковому крючку, нетерпеливо ожидал команды.

И все же команда последовала неожиданно:
— Огонь!

Белов так близко подпустил атакующих, что их расстреляли почти в упор, даже залечь никто из фашистов не успел.

Не давая врагу опомниться, Белов выскочил из траншеи, увлекая за собой всю роту. Как и всегда во время боя, он трезво оценивал обстановку, мгновенно реагируя на всякое ее изменение. Именно сейчас, пока враг в замешательстве и еще, возможно, не знает о судьбе своего взвода, можно ворваться в главную траншею и, захватив ее, открыть себе путь к плацдарму. Впереди, конечно, будут еще стычки, но важно сбить первый заслон, довольно сильный, по-видимому. Рота бежала без криков и выстрелов, как и приказал Белов.

Обескураженные тишиной, немцы молчали. Но они тоже, очевидно, услышали топот ног и выпустили осветительную ракету. В призрачном голубоватом свете стала видна неровная местность, заваленная камнями, одинокое дерево, траншея и бегущие в атаку бойцы. Ракета еще не успела высоко подняться, как заговорили пулеметы и автоматы врага, сразу накрыв наступающую роту плотным огнем. Пришлось залечь. Когда ракета погасла и наступило относительное затишье, Белов снова поднял людей в атаку. Но и десятка метров не пробежали гвардейцы: жестокий огонь опять прижал их к земле.

Не удалась и третья попытка. Ракеты теперь одна за другой взлетали в воздух, не позволяя наступающим использовать темноту. Огонь нарастал — начали бить пулеметы с далекого правого фланга. Еще раз подымать роту было бессмысленно при таком огне. Здесь же оставаться

тоже нельзя: фашисты, очевидно, пристреляли местность. Рота несла потери.

Белов приказал отходить назад и сосредоточиваться в захваченной траншее.

Долог показался ему обратный путь. Участвуя в победном наступлении от самого Сталинграда, он не раз вынужден был и отходить во время боев. Но там он отступал временно, отступал для того, чтобы, перестроив бойцов и изменив тактику, лучше выполнить поставленную перед ротой задачу. Сейчас был совсем иной отход. Как ни горько, ни досадно было в этом признаться, Белов понимал, что новой попытки прорваться к своим сегодня ему уже не предпринять: и враг настороже, и ночь кончается. Может, попробовать берегом? Но, судя по стрельбе, и там есть вражеские укрепления, и там всё начеку. Очевидно, придется сидеть в захваченной траншее, точно в мышловке, и ждать наступления второй ночи, чтобы снова пойти на прорыв. А возможно, расширяя плацдарм, и свои к тому времени подойдут...

Десятки вариантов обдумал Белов, пока переползал от камня к камню. Но ясно было только одно: рота не выполнила приказ.

Расстроенный и злой добрался он до траншеи, в которую один за другим скатывались отступавшие гвардейцы. Парторга в траншее не было; Белов забеспокоился...

Сергею Князеву передали приказ командира об отходе по цепочке. Он и сам видел, что иного выхода сейчас нет, только людей зря погубишь.

Пополз назад он с двумя бойцами, с которыми вместе лежал меж камнями. Но вскоре оба они были ранены. Один легко, в ногу, — этому Сергей перетянул бедро, чтоб не истек кровью, и боец сам пополз дальше. У другого рана оказалась серьезной, в живот, самостоятельно

передвигаться он не мог... Легче было бы тащить его на себе, но противник вел такой сильный огонь, что и головы не поднимешь. Пришлось тянуть раненого волоком.

Обливаясь потом, Сергей минут двадцать петлял меж камнями, старательно оберегая бойца и себя от шальной пули. Когда показалась полоска траншеи, к нему подошел связной Ложкин, посланный лейтенантом на розыски парторга, и вдвоем они быстро преодолели последний десяток метров.

Сдав раненого Вере Казаковой, Сергей отряхнул налипшую на мокрую одежду землю и пошел отыскивать Белова.

Командир стоял в центре траншеи, вглядываясь в скрытую предутренней мглой местность. Он очень обрадовался парторгу, но виду не показал.

— Вот, Сергей Викторович. Видишь, дела наши осложняются, — невесело проговорил он. — Не выполнили мы приказ.

— Да, пробиться сейчас вряд ли удастся, — согласился Князев. Он вынул из кармана шинели тряпку и стал протирать забитый землей автомат. — Что же, будем здесь на себя оттягивать силы. Линия фронта к вечеру должна подойти к нам. А если и не подойдет вплотную, то будет близка. Тогда ночью попытаемся...

Князев не договорил — справа от них заработали два близко один к другому расположенных пулемета. Трассирующие и разрывные пули покрыли бруствер траншеи многочисленными разрывами. Оба машинально, по фронтовой привычке, пригнулись.

— Противник, надо полагать, станет изводить нас непрерывными атаками, — продолжал Князев. — Он ни за что не примирится с тем, что мы засели в его расположении. Следовательно, нам нужно готовиться к обороне.

Спокойствие парторга, неторопливость, с какой он прочищал свой автомат, вначале поразили Белова — парт-

брг, кажется, и не огорчен тем, что они не смогли вовремя прибыть на плацдарм! Но рассуждения Князева были трезвые, и как ни огорчайся, ни досадуй на то, что не сумел выполнить приказ, а события развиваются своим чередом — надо действительно думать о том, как продержаться до вечера. Немцы, конечно, постараются выкурить их из траншеи.

— Что верно, то верно, Сергей Викторович, — спокойной жизни они нам не дадут. Траншею я обследовал, — она метров девяносто в длину. Это они вроде предполья начали мастерить, да не успели — рано появились мы. Даже ходом сообщения с основной своей траншеей не соединились. Нам придется оборудовать ее для круговой обороны.

— Правильно. Мешкать нельзя. А к Мозуренко связаного послать нужно: пока не рассвело, доберется до плацдарма.

Подшли командиры взводов, доложили о потерях, понесенных ротой при неудачной атаке. Самый большой урон понес взвод Сотникова.

— Значит, четыре убитых и семь раненых? — переспросил Белов.

— Так точно, товарищ гвардии лейтенант. Но трое останутся в строю, Ануфриев в том числе.

— Так, так... Хорошенькое дельце, — машинально обронил Белов. — А как твое самочувствие? Ожил?

Сотников расправил плечи, словно хотел удостовериться, точно ли он ожил после контузии, полученной на переправе.

— Вроде все в порядке, товарищ гвардии лейтенант.

— Ну и хорошо. А теперь слушайте, товарищи...

Белов разделил траншею на два участка, закрепил их за взводами, дал указания командирам о построении обороны, расстановке людей и непрерывном наблюдении за врагом. Приказал беречь патроны и гранаты.

— День будем держаться и оттягивать на себя силы врага. Атакующих подпускать вплотную. Еще раз приказываю беречь боеприпасы! Действуйте быстро. Остаток ночи полнее используйте.

Белов и парторг проводили заспешивших к своим взводам командиров и молча повернулись в сторону противника. Вражеская траншея затихла, там, видимо, тоже совещались, как лучше уничтожить гвардейцев.

— И вечно на войне все получается кверху ногами, — заговорил Белов, и в голосе его зазвучали грустные нотки. — Хорошенькое дельце. Командир батальона скажет теперь: «И переправиться-то толком не сумел. А я-то, мол, надеялся...»

— Зачем зря наговаривать на себя. Война — не игра в солдатики: всюду поджидают неожиданности. Командир батальона так не скажет. Будем и здесь помогать ему решать общую задачу.

— А все-таки не так я думал воевать на правобережье...

— По-разному еще придется, Владимир Васильевич, — спокойно заметил Князев, вставляя в автомат новый диск. — Правобережная Украина большая. Сейчас самое главное для нас — устоять и как можно больше сил оттянуть на себя.

— Это-то мне понятно...

Белов замолчал.

Сергей взглянул на него — Белов смотрел в сторону плацдарма. Большие серые глаза его погрустнели, губы сложились в робкую, какую-то детскую, задумчивую улыбку. И так непривычно было парторгу видеть своего друга в расслабленном, печальном настроении, что он ни о чем не спросил его. Без слов было ясно, о чем думает Владимир, как он завидует товарищам, к которым не сумел привести свою роту.

Некоторое время они стояли рядом, прикасаясь друг к другу плечами, и смотрели на далекий, озаряемый вспышками разрывов плацдарм, где были свои, где кипел жаркий бой...

Наступал трудный, страданный и страшный день.

4. ОБСТАНОВКА УСЛОЖНЯЕТСЯ

Начинало светать. Слабо обозначились контуры близлежащих предметов — крупных камней, кустарников, отдельных деревьев.

Вся седьмая рота работала. Не отставали от бойцов и командир с парторгом. Белов уже успел углубить свой окоп и теперь тщательно отделывал бруствер. Энергично орудовал лопатой и старший лейтенант. Он был на полголовы ниже Белова, но не уступал тому в силе. Легкость, с которой Князев вонзал лопату в землю, показывала, что он был неплохим спортсменом. Парторг работал раздетым, шинель и автомат лежали в стороне, на дне траншеи. Большой, синевато-красный шрам, пересекавший щеку от уха до шеи, заметно портил красивое, немного осунувшееся потное лицо Князева. На его изрядно выгоревшей гимнастике поблескивал орден Красного Знамени и медаль «За отвагу».

Время от времени, делая перерывы в работе, они попеременно всматривались в окружающую местность.

— Паршиво еще видно, но, можно сказать, позиция нами занята неплохая. Потрудились фрицы за наше здоровье.

— Хорошенькое дельце. Если б мы не захватили траншею, туговато пришлось бы, это точно.

— Не доделали, чёрт бы их драл... Кого послал связным к командиру полка?

— Кушко. Проворный хлопец, доползет.

Они разговаривали без тени какой-либо тревоги, словно находились на обжитом НП полка, словно сейчас им было совсем не тужовато. Окончив отделку окопа, Белов своим обычным, неторопливым, крупным шагом отправился в первый взвод. Через несколько минут и парторг пошел к бойцам.

Рота редкой цепочкой рассредоточилась по всей траншее, и везде шла молчаливая, напряженная работа. Того бодрого, жизнерадостного настроения, какое отметил парторг ночью, при высадке на вражеский берег, уже не было. Но не чувствовалось и упадка. Люди понимали, в каком положении они находятся, понимали, что теперь все зависит от них самих, и ночное, несколько бездумное оживление сменилось суровой сосредоточенностью и скрытым упорством. Это упорство видел парторг и в изуродованном лице Исакова, размашисто кидавшего наверх полные лопаты земли, и в тщедушном Васине, любовно отделявавшем свой окоп, и в присмиревшем Духовном. Даже у тяжелораненых, лежавших в углубленных окопчиках, замечал парторг это суровое упорство. Он шел по траншее, задерживаясь возле каждого бойца, шутил, давал совет, как лучше оборудовать окоп, или рассказывал о бое на большом плацдарме.

Старший сержант Круглов, завидев парторга, встал было по стойке смирно, но Князев сказал добродушно:

— Не тянись, делай свое дело.

Осмотрев почти готовую позицию, щуря свои цепкие, острые глаза, похвалил:

— Молодчина. И камни толково пристроил. А вот здесь надо расчистить, — он показал на правую сторону окопа. — Отсюда плохо просматривается местность, а атаки жди с любой стороны.

— Понятно, товарищ парторг. Это я разом. Окоп углублю, а после примусь за бруствер...

— Тоже верно. — Князев вспомнил, как умело, похозяйски, распоряжался старший сержант на плоту, и подумал: «Этот и здесь в грязь лицом не ударит». — Сколько патронов у тебя?

— Патрончики имеются: два диска своих, два у товарища взял, — Круглов указал глазами на выбывшего из строя бойца. — Да в вещевом мешке сотни две наберется.

— Гранат сколько?

— Вот этого маловато: три лимонки, три таких, одну израсходовал еще при атаке, — старший сержант вздохнул и добавил: — Жаль, не знал, что дружок туда же бросил. Одной хватило бы.

— Ничего. В следующей атаке учтешь... А как у бойцов в твоём взводе — есть припасы?

— Бедновато, товарищ парторг.

— Экономить надо... Ну доканчивай, да взвод проверь хорошенько. У тебя меткий глаз.

Князев пошел дальше вдоль траншеи. Заметив в конце ее раненого ефрейтора и Веру Казакову, направился к ним.

Ефрейтор полулежал на дне окопа, походившего на небольшой открытый сверху блиндаж. Вера перевязывала ему ногу. Он был бледен, густая щетина покрывала его впалые щеки.

— Что, дружище, — Князев присел около ефрейтора на корточки, — снова вывели тебя из строя?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант, — с некоторым задором ответил Ануфриев и погладил вытянутую ногу, на которой Вера опраивляла повязку. — Ходить, верно, нельзя, покалечил фриц. Но вот сестрица, спасибо ей, здорово меня обработала. Так что стрелять смогу, товарищ старший лейтенант.

С этими словами ефрейтор, опираясь одной рукой на ящик из-под патронов, а другой на автомат, с силой рванулся, желая встать.

— Лежи, лежи, голубчик, — удержала его Вера. — Знаем, сила у тебя есть и стрелять ты сможешь. А пока полежи.

На бруствере траншеи часто зацелкали хлопки разрывных пуль, послышался тревожный клекот пулемета, сначала одного, потом второго и третьего. Князев выпрямился, снял с шеи автомат.

Это был очередной огневой налет — немцы регулярно беспокоили ими гвардейцев. Но сейчас в огневом шквале появилось и кое-что новое — разрывы гранат. Они доносились с левого фланга, где перед траншеей валялось много крупных камней: очевидно, немцы сумели скрытно просочиться к этим камням. Князев осторожно выглянул из окопа. Еще не рассвело, но уже видна стала главная траншея немцев. Она проходила гораздо ближе, чем предполагал Князев.

Ануфриев снова сделал попытку подняться, но парторг сказал:

— Не вставай, Ануфриев. Атаки нет. Шум просто.

Однако шум этот встревожил парторга, он поспешил в левый конец траншеи. Здесь Князев застал уже Белова. Командир усилил оборону угрожаемого участка тремя бойцами из взвода Сотникова и самого старшину передвинул поближе.

Вскоре огонь врага несколько ослабел, гранатные разрывы на левом фланге тоже прекратились: гвардейцы умили пруть чересчур ретивых фашистов, близко подобранных к траншее.

Но затишье оказалось кратковременным. Оно сменилось сильным огнем пулеметов и автоматов. Гитлеровцы начали бросать и ручные гранаты, которые, правда, не долетали до траншей. Дым и пыль, взвихренные разрывами, еще не успели рассеяться, как послышалась команда Белова:

— Приготовиться к отражению атаки!

Светало. Местность уже просматривалась лучше. Белов видел, как гитлеровцы торопливо вылезали из-за укрытий, из траншеи и, прижимаясь к земле, устремлялись в атаку.

Как и предполагал командир роты, фашисты наносили удар с левого фланга. Неровная поверхность делала это направление более благоприятным для них, позволяя безнаказанно накапливаться для броска. К тому же расстояние здесь между траншеями было несколько меньше.

Если бы понаблюдать за атакой со стороны, то можно было бы увидеть странную картину: немцам, как на учебных занятиях, была предоставлена полная возможность спокойно выбраться из окопов, развернуться в цепь. Вот они с криком и шумом, беспорядочно стреляя из автоматов, пробегают десять, двадцать, тридцать метров. Уже видны их потрепанные шинели, зеленые каски. Бег их делается все стремительнее, кажется, они совсем уже близки к цели, кажется, ничто уже не остановит их, некому остановить...

Но в последний момент прокатилась долгожданная короткая команда: «Огонь!». И сразу ожила, казалось бы, пустынная траншея, шквал огня хлестнул по атакующим, и цепь их расстроилась, начала редеть, оставляя за собой черные комочки упавших солдат. Некоторое время гитлеровцы продолжали двигаться по инерции и, не добежав двух — трех десятков метров до траншеи, залегли.

Не ожидая, пока окончательно захлебнется первая атака, немцы бросили в том же направлении свежий взвод пехоты. Одновременно еще один взвод по-пластунски, всячески маскируясь на местности, стал приближаться к траншее с правой стороны.

— Изготовьсь! — услышала Вера резкий голос ротного. У нее не было своего окопа, и она занимала пози-

цию там, где заставляла ее атака. На этот раз Вера оказалась около Ануфриева. Она увидела, как ефрейтор, забыв о ране, вскочил было, но, ступив на большую ногу, весь как-то неестественно изогнулся.

— Ух!.. — вырвалось у него сквозь стиснутые зубы. В следующую секунду он сделал скачок на здоровой ноге, грудью и локтями лег на бруствер и припал к автомату.

Вера заняла пустующий окопчик в двух шагах от него. Гитлеровцы бежали короткими разорванными цепями. Две цепочки: три человека и чуть в стороне и сзади — еще четыре. Первые трое бежали прямо на нее, бежали пригнувшись, но, как показалось Вере, очень быстро; прижатые к животам автоматы их беспрерывно стреляли куда-то поверх траншеи. Вера повела глазом налево, где стоял Ануфриев.

— Не робей, дочка. Подпускай ближе, жди команды! — подбодрил бывалый солдат.

Вера мельком увидела, что на него, чуть правее, тоже бежали две цепочки. «Своих» гитлеровцев она различала уже хорошо: у одного, крайнего, что-то блестело на груди — не то пуговицы, не то нагрудный значок или орден. Солнце, видимо, слепило его — он жмурился и как-то неестественно наклонял голову.

— Ой, что ж Белов молчит? Ведь они совсем рядом, — тревожно думала Вера и все хотела обернуться в сторону ротного, но боялась отвести глаза от набегающих на нее немцев.

Команду «Огонь!» и чьи-то выстрелы она услышала одновременно и почти инстинктивно нажала на крючок. Обе цепочки разом повалились, и Вера с трудом заставила себя расслабить палец и прекратить очередь. Она не заметила, попала в кого-нибудь или нет, — гитлеровцы лежали неподвижно. Со всех сторон раздавались выстрелы, где-то слева ухнул разрыв гранаты, но Вера не оглядыва-

лась и, не спуская глаз со «своих» гитлеровцев, ожидала, когда они снова вскочат и побегут. Двое из них, передние, стали переползать к камню. Одного Вера подстрелила, второй все-таки успел спрятаться и высунул из-за камня автомат. И задние начали перебираться к другому камню, но так скрытно, что она не могла никого из них поймать на мушку. Передний повел по ней прицельный огонь — Вера поневоле пригнулась. А когда выглянула вновь, трое были от нее шагах в тридцати, один из них замахнулся, чтобы бросить гранату. Вера не успела в него выстрелить — он упал не то споткнувшись, не то подбитый кем-то. Граната взорвалась рядом с упавшим. Повалились и те двое, что бежали с ним.

— Не зевай, дочка! — услышала Вера задорный голос Ануфриева и по тону поняла, что это он снял того, с гранатой.

Она не помнила, сколько времени продолжалась атака. Голова ее шумела от непрерывной трескотни вокруг, криков и напряжения, по лицу струйками стекал пот.

Когда вокруг наступила тишина, Вера не сразу ее почувствовала, и только окрик ефрейтора вернул, наконец, ее к действительности. Она огляделась: поле перед траншеей на всем ее протяжении было безлюдно, даже «ее» немец за камнем не двигался — знать, достала его все-таки последней пулей.

Вера отерла потное лицо, подошла к Ануфриеву.

— Вот и всё, дочка, — сказал ефрейтор удовлетворенно, как говорят хорошо поработавшие, уставшие люди. — Ни один не двигается, как и должно быть.

Он тяжело оперся о стенку траншеи и медленно, оберегая большую и, видимо, сильно натруженную ногу, осел вниз.

— Надо диск пополнить. Вдруг опять пойдут, чем черт не шутит.

Он подтянул к себе вещевого мешок.

— А ты, дочка, метко била. Молодец!

— Ну, какой я стрелок, — смутилась Вера. — Вот вы — настоящий герой. Очень нога болит?

Вера осмотрела его повязку и заторопилась по траншее — возможно, раненные есть, ждут ее.

В этой схватке понесли потери и гвардейцы. Из строя вышло три человека: один убит, двое получили тяжелые ранения в голову.

Когда Сергей Князев подошел к тяжелораненым, один из них был уже перевязан, но в сознание так и не пришел. С другим занималась Казакова. Лица ее Сергей не рассмотрел, видел лишь энергичные движения ее маленьких рук. Тут же лежала санитарная сумка девушки, рядом, прислоненный к стенке траншеи, стоял автомат. Сергей потрогал его — ствол был теплый. «Милая, как же тяжело тебе с нами», — подумал он с внезапной нежностью. Подсев к девушке и показывая глазами на раненых, шепотом спросил: — Плохи у них дела?

— Очень, — не прекращая работы, тихо, почти одним движением губ, ответила Вера. — У того, — она показала на перевязанного, — сквозное ранение в лицо. Еле дышит. У этого — пулевое ранение в височную часть, череп задело...

Вера закончила перевязку, положила под голову раненого противогаз и, стряхнув землю с шинели, надела санитарную сумку.

— А ты, Вера, никак тоже ранена? — испугался Сергей. — Щека в крови.

— Не может быть. Ничего не чувствовала. — Она быстро провела рукой по щеке. — Нет, конечно. Просто выпачкалась.

Вера подошла к первому раненому, пощупала пульс.

— На операционный стол надо. Немедленно, — сказала она почти с отчаянием. — И еще четырем необходима срочная операция.

— Как только подспеют наши, сразу отвезем их в медсанбат, — пообещал Сергей. Он дотронулся до плеча девушки и не сказал, а попросил, как просят близкого человека о серьезной услуге:

— Будь умница, не горячись. Дело только начинается...

Вера, прислонясь к стенке окопа, проводила его глазами до изгиба траншеи.

Как и вся седьмая рота, последний месяц Казакова провела в жарких наступательных боях. Остались позади бои за Барвенково, тяжелые, утомительные бои под Запорожьем, где она вынесла восемнадцать раненых.

Порой Вера так уставала, что валилась с ног около раненого и засыпала беспробудным сном. Однажды она проспала сильнейшую бомбежку и не слышала, как ее перенесли в щель. И все-таки, несмотря на огромное напряжение, она чувствовала себя довольной и счастливой...

А совсем недавно, отправляя Сергея Князева в госпиталь, Вера считала себя самым несчастным человеком. Рана у Сергея была тяжелая, но ее мучила не сама рана, а нелепое, день и ночь терзавшее сомнение: не перепутал ли госпитальный врач чего-либо, точно ли он ввел Сергею противостолбнячную жидкость? Эта навязчивая и несуразная мысль изводила ее три недели, пока она не получила письмо из армейского госпиталя. Письмо было короткое, лаконичное, написанное еще слабой рукой, но как перевернуло оно настроение Веры, в какие чудесные краски окрасило жизнь!

После возвращения Сергея в батальон между ними и слова не было сказано о любви. Но ей и не нужны были слова. Зачем слова, если все можно прочитать в глазах,

в интонации, как вот сейчас, когда он попросил ее быть осторожней...

Очередной огневой налет отвлек Веру от мыслей о Сергее. Она встряхнулась и сразу вспомнила про Ануфриева. «Я еще не заходила к нему после атаки!»

Все раненые были равны для Веры, всех она жалела и о всех заботилась; но Ануфриев, после того как она вместе с ним отражала атаку фашистов, стал особенно дорог ей. Зная, какие боли испытывал Ануфриев, когда подымался с перебитой ногой, чтобы стрелять по врагу, она восхищалась им.

Ефрейтор лежал в своем окопчике. Глаза его были закрыты, и Вера подумала, что он спит. Лицо его казалось очень бледным, а светлые волосы на голове — влажными. На бруствере окопа в углублении были спрятаны три гранаты, прикрытые пилоткой. Вокруг валялись стреляные гильзы.

Девушка привстала на каску и заглянула поверх бруствера на прибрежную кручу, покрытую пожелтевшим осенним покровом. Слева, недалеко, — большие камни, деревья, земляная гряда, за которой скрывались позиции врага, оттуда время от времени доносились длинные пулеметные очереди. Прямо напротив бруствера в несчастных позах валялись убитые фашисты — одни подальше, другие совсем близко, в семи — восьми шагах от траншеи.

«Его работа... намучился, бедняжка. Спит».

Вера тихонько поставила свой автомат, сняла сумку и чуть дотронулась рукой до плеча Ануфриева. Он сразу открыл глаза.

— Как твои дела, Ануфриев? Как нога?

Ефрейтор улыбнулся, обрадованный приходом девушки.

— Что же, нога как нога, на месте, сестрица. Когда фрицы лезли, забыл про нее, а вот дело кончилось, снова

напомнила. Дюже дергает, особенно когда встаешь, а еще хуже, когда ложишься. Прямо скулы воротит.

— Тебе надо лежать.

— Ну, скажете вы такое. Как тут лежать, ежели лежут. Тут и без ног подымешься.

Вера осмотрела рану. Повязка пропиталась кровью и немного сползла. Она поправила ее. Спросила, хочет ли он есть? Ефрейтор покачал головой. Вера достала из санитарной сумки маленький стаканчик, налила из фляги воды и подала ефрейтору. Он выпил с жадностью и попросил добавить. Вера добавила, достала из вещевого мешка Ануфриева кусок вареного мяса, хлеб. Боец решительно закачал головой. Однако Вера настаивала:

— Не хочется, а поесть надо. А то совсем подняться не сможешь, ослабнешь. Да, да, не качай головой. Не встанешь даже и тогда, когда фашисты полезут...

Казакова снова заглянула в свою сумку, достала пузырек со спиртом, налила полстаканчика и протянула солдату.

— Только уговор — съесть все.

Ефрейтор повеселел. Его воспаленные глаза засветились.

— Лады, лады, сестрица.

Стаканчик он опустошил с жадностью и даже причмокнул от удовольствия.

— Прямо душу отвел! Благодарствую тебе, сестрица. Ты золото у нас, настоящее золото! Теперь можно и пожевать. До этого и смотреть не хотел... Да ты-то что не ешь? У меня еще есть консервы, сухари...

Он хотел развязать свой вещевой мешок, но девушка остановила:

— Я уже ела, не хочу.

Казакова давно уже работала санинструктором, хотя ей не исполнилось еще и двадцати лет. Большой и неоценимой школой был для нее Сталинград, где скромная, ничем не

отличавшаяся от других своих сверстниц девушка получила первое боевое крещение...

В Сталинград, в район завода «Красный Октябрь», она прибыла с гвардейской дивизией Гурьева, имевшей приказ во что бы то ни стало отстоять завод. В эту дивизию, тогда еще десантную бригаду, стоявшую в одном из пригородов Москвы, она пришла осенью 1941 года. Пришла с краткосрочных курсов санитарных инструкторов, куда была направлена Московским городским комитетом комсомола по окончании средней школы.

Родилась Вера в Москве и до ухода в армию жила с родителями. Отец ее — инженер, старый коммунист, много лет работал на авиационном московском заводе; мать — врач. Старший брат Веры с первых дней был на фронте и командовал истребительным авиационным полком.

В школе Вера отличалась резковатым и довольно вспыльчивым, своенравным характером. В труде и учебе была упорна. Любила спорт. Она хорошо ходила на лыжах, лучше всех в школе бегала на коньках и летом красивее всех прыгала в воду с вышки. На последнем году учебы потихоньку от матери стала посещать школу парашютного спорта. А когда дело дошло до первого прыжка, она, не задумываясь, совершила его. И в тот же вечер рассказала обо всем вернувшейся с работы матери.

— Как! Ты парашютным делом занимаешься? — отступив на шаг от дочери, строго спросила мать.

— Да, занимаюсь, мама.

— И давно?

— С полгода.

— Паршивая девчонка! И ничего не сказала мне! — не сдерживая гнева, выкрикнула рассерженная и встревоженная мать.

Вера стояла перед ней словно провинившаяся школьница.

— Мама, я виновата, что не рассказала тебе все раньше, но я жалела тебя...

— Не нужна мне такая жалость! Летать, прыгать и скрывать от матери! Хороша, нечего сказать!

Когда разразилась война, Вера поступила на курсы санитарных инструкторов.

Осенью 1941 года она снова огорчила мать: наотрез отказавшись пойти в госпиталь, где мать уже работала военным врачом, Вера добилась направления в десантные войска.

5. СХВАТКА В ТРАНШЕЕ

Утро выдалось холодное. По небу быстро, меня очертания, проплывали серые, густые облака. В просветах между ними выглядывало голубое небо.

После трех атак гитлеровцы приутихли. Только пулеметные очереди время от времени посвистывали над головами обороняющихся.

А на плацдарме тем временем бой ни на минуту не ослабевал. По-прежнему грохотала артиллерия. Иногда северный ветер доносил до гвардейцев ровную дробь максима. Над полем боя висело большое облако порохового дыма и пыли. От разрывов тяжелых бомб глухо вздрагивала земля.

Но ничто не могло остановить натиска гвардейских полков. Лейтенант Белов безошибочно отметил, что наши части, прикрываясь дымовой завесой, непрерывно переправляются через реку в районе плацдарма. По шуму боя, по интенсивности пулеметного огня — по всем этим специфическим приметам нарастающего сражения он понимал, что линия фронта постепенно отодвигается на запад и северо-запад, что мощь наступающих неуклонно растет.

Вместе с тем Белов не мог не заметить и того, что плацдарм не расширяется на юг и вот уже в течение нескольких часов линия фронта в этом месте остается неизменной.

«Не слышно, — думал Белов, — чтобы гитлеровцы на этом фланге оказывали более упорное сопротивление... Вероятно, просто это направление сейчас мало интересует наших».

Вывод был неутешительный. До сих пор Белов не терял надежды: с плацдарма начнут продвигаться сюда, на юг, а седьмая рота отсюда атакует немцев, и можно будет еще днем соединиться со своими. Но сейчас надежда угасла. Нет, не передвигается линия фронта в южном направлении и вряд ли передвинется сегодня. Было для Белова очевидным и то, что следующей ночью прорваться к своим не удастся. Три атаки, следовавшие одна за другой, показали, что немцы приложат все силы, чтоб измотать и уничтожить гвардейцев. В роте уже немало потерь. Имея столько раненых и, главное, считанное количество патронов, вряд ли можно рассчитывать пробить брешь в обороне немцев. Приходилось думать уже не о том, как скорее соединиться со своими, а как продержаться до их прихода.

«Да... Главное сейчас — продержаться», — рассуждал Белов, опустив бинокль, но продолжая смотреть в сторону плацдарма: там, высоко над полем боя, точно косяк журавлей, тянулась с запада эскадрилья фашистских самолетов. «Что ж... будем держаться. Нам не привыкать... Бывали в переделках».

Князев в это время, воспользовавшись паузой, обходил бойцов. По только что отбитым атакам, по упорству, с каким враг рвался к траншее, парторг понимал, что день будет нелегкий. «Эти господа все сделают, чтобы от нас живого места не осталось». Он шагал по траншее, осматривая по пути раненых. Их заметно прибавилось, но все они

были перевязаны и заботливо уложены в укрытые места. Парторг задерживался около каждого, старался приободрить, согреть теплым словом; тех же, кто лежал с закрытыми глазами и не отзывался на его голос, он заботливо прикрывал шинелью.

За время передышки Сергей успел поговорить почти со всеми бойцами роты, находившимися в левой стороне траншеи. Несколько задержался он около Духовного.

— Ну, паникер, как твои дела? Не трусишь, как тогда, на реке?

— Тогда я сплоховал, это верно, да ведь первый раз... — потупив глаза, признался Духовный.

— Ну, а сейчас как? Не пропустишь фашиста?..

— Покуда мы с ним живы, фриц не пройдет, товарищ старший лейтенант, траншеи нашей им не видать! — ответил за Духовного подошедший рядовой Васин.

— А ты что за него говоришь, разве у него языка своего нет? — добродушно заметил Князев. — Ты опытный солдат. За тебя я спокоен. А все-таки, — снова повернулся парторг к Духовному, — ты как думаешь, отобьемся мы от фашистов?

— Фрицы не пройдут, — довольно уверенно ответил солдат.

— Это верно, не пройдут, если мы их не пустим. Помните, друзья, впереди еще трудно будет. Мы у гитлеровцев оказались гостями непрошенными и неожиданными. Они, — Князев показал рукой в сторону врага, — ни перед чем не остановятся, чтобы отделаться от нас. Поняли меня?

— Все ясно, — снова ответил за двоих Васин.

— Надо беречь патроны и смотреть в оба. Враг не так уж страшен, как хотел бы казаться. Ну, желаю успеха!

— Будьте в нас уверены, товарищ парторг! Не подведем седьмую роту!

Шел двенадцатый час, когда гитлеровцы пошли в четвертую атаку. Немцы на этот раз лезли с каким-то особым остервенением. За час до атаки они беспрестанно обстреливали траншею; даже произвели два артиллерийских налета, очевидно с дальних позиций. Под прикрытием огня солдаты противника по одному, ползком, начали накапливаться у хаотично нагроможденных камней.

Бесшумно взвилась и поползла вверх зеленая ракета. Не успела сгореть, как из-за камней в сторону нашей траншеи полетели десятки гранат. Они не достигали окопов, но густое облако пыли и дыма, образовавшееся от взрывов, погнало ветром на гвардейцев и на какое-то время ослепило их.

Используя это своеобразное укрытие, противник бросился в атаку.

— Огонь по фашистам! — вслед за командиром роты громко прокричал старший лейтенант и швырнул в атакующих одну за другой две гранаты.

Вера Казакова, услышав голос Сергея, прижалась к стене траншеи и стала почти в упор расстреливать наступающих. Диск неожиданно кончился, она хотела перезарядить автомат, но рядом разорвалась ручная граната. Взрывной волной ее сильно толкнуло, запорошило глаза. Автомат выпал из рук. Вера обхватила голову руками и в полузабытьи медленно опустилась на дно траншеи. Мимо нее промчался к левому краю обороны Князев. Он первым заметил, что трем фашистам удалось достигнуть траншеи. Сергей дал короткую автоматную очередь — один гитлеровец упал, второй, здоровенный детина, по инерции сделал еще два — три шага вперед, свалился в траншею и постепенно сполз на ее дно. Третьего фашиста сразить очередью не удалось: произошел перекокс патрона. Сергей чертыхнулся с досады, перескочил через убитого немца и ударом автомата вышиб из рук третьего оружие в тот момент, когда гитлеровец прыгал в траншею. Этот тоже

был рослый детина. Он не растерялся, ловким ударом кулака сбил Князева с ног и, не дав подняться, подмял под себя...

Прямо перед собой Сергей увидел перекошенное от ненависти лицо врага. Что-то закричав по-своему, гитлеровец яростно вцепился ему ногтями в щеки, словно хотел вырвать их. Сергей рывком подтянул ноги и, крикнув, персвалил через себя тяжелое тело немца. Тот выхватил нож и уже занес его над парторгом, но Сергей отпрыгнул в сторону и успел достать пистолет. Через несколько секунд все было кончено. Подхватив автомат, Сергей метнулся к брустверу. Но стрелять ему уже не пришлось: перед траншеей не осталось ни единой живой души. Четвертая ожесточенная атака немцев была отбита.

Сергей с минуту постоял, тяжело опираясь о бруствер. Взгляд его задержался на двух неподвижных фигурах гвардейцев. Один из них сидел на корточках на дне траншеи. Сергей подошел к нему, заглянул под каску. Одутловатое лицо Духовного было безжизненно. Рядом,

уткнувшись носом в землю, лежал солдат с изуродованной головой. Сергей приподнял его, положил на спину. Лицо убитого, окровавленное, запыленное, было спокойно. Рядовой Васин... «Будьте в нас уверены, товарищ парт-орг, не подведем седьмую роту!» — вспомнил Сергей слова, сказанные час назад.

Он не без труда поднялся, почувствовав огромную усталость. В голове стоял шум, лицо горело, точно после ожога.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, вы ранены? — неожиданно услышал он знакомый голос. — У вас все лицо в крови!

Перед ним стоял Исаков.

— Тю! Да то не рана. Вас поцарапал кто-то.

Сергей повел рукой по щеке и почувствовал острую боль, точно к обнаженной ране прикоснулся.

— Вот этот, — показал он на убитого немца. — Драться не умеет, цапается, как баба... Как у вас дела?

— Все вроде в норме, товарищ старший лейтенант, — весело ответил Исаков, никогда, видимо, не терявший бодрости. — Лезли здорово, но осеклись. Один из них прямо на плечи старшему сержанту Круглову вскочил, но проехать не пришлось...

Сергей оставил Исакова у пулемета Васина и Духовного, а сам пошел проверить роту.

Белов сидел на каске. Около него трудилась неутомимая сестра — бинтовала голову.

— Ну, вот и хорошо, — закончив перевязку, сказала Вера. И, собирая разложенные на небольшой белой салфетке, расстеленной на дне траншеи, медикаменты, вату, ножницы, свертывая и укладывая все это в свою вместительную медицинскую сумку, продолжила назидательно:

— А все каску не любите носить! «Лишний груз, на

что она нужна»... А не было б у вас, товарищ гвардии лейтенант, каски — верная бы смерть.

— Сама ты, голубушка, без каски и надеваешь ее раз в год по обещанию, — не без иронии заметил Сергей, подошедший сзади.

Вера оглянулась.

— Товарищ старший лейтенант! Что с вами! — воскликнула девушка, приподымаясь. — Что с вашим лицом?

Несколько секунд Вера молча смотрела на Сергея. В глазах ее он видел тревогу. Потом, схватившись за сумку, она с лихорадочной поспешностью стала опять все вынимать из нее.

— Прошу садиться. И быстрее, без разговоров...

Сергей улыбнулся — ему было приятно подчиняться ей.

Вера осторожно начала протирать лицо Сергея спиртом. Он морщился и кряхтел.

— Потерпите. Жжет, знаю, но ничего не поделаешь... Терпите, теперь еще больше будет. Прижигаю йодом.

Сергей ерзал, но молчал.

Царапины были глубокие. Обработывая их, Вера заметила и большой кровоподтек на шее Сергея, и синяк за ухом, и порванный ворот гимнастерки, и выпачканное кровью плечо.

— Что же с тобой было, Сережа? — тихо спросила она и, положив ему на плечи обе руки, легонько притянула к себе.

— Что было? — Сергей вспомнил искаженное злобой лицо навалившегося на него фашиста и невольно вздрогнул. — Так, Верочка... Пустяки... Можно встать?

6. ШЕСТАЯ АТАКА

Белов наблюдал в бинокль за ходом боя на плацдарме. Линия фронта изрядно удлинулась. По вспышкам выстре-

лов лейтенант определил значительное расширение плацдарма. Но в южном направлении положение по-прежнему оставалось без перемен. Белов опустил бинокль, поправил повязку на голове и поудобнее облокотился о бруствер, вдавливая локтями податливую землю.

«Сколько еще атак выдержит обескровленная рота и сколько их еще будет до вечера? Сейчас в траншею ворвались отдельные, случайные фрицы, а что если при следующей атаке их ворвется больше? А они могут ворваться — патроны в роте на исходе».

Лейтенант повернулся к подошедшему старшине Сотникову.

— Доложите, старшина, что у нас осталось из боеприпасов.

Худощавый, подтянутый, крепко сбитый старшина Сотников стоял навтыжку перед лейтенантом. Шинель на нем еще не высохла и сильно была выпачкана землей, но от прежнего недомогания его и следа не осталось. Он спокойно, не отрывая суженных дерзких глаз от командира, по памяти докладывал:

— В строю двадцать шесть, из них трое раненых...

— Вы и меня со старшим лейтенантом ранеными считаете? — как бы вскользь заметил Белов.

— Никак нет. Вас я не считал. Ручных пулеметов два. Автоматов исправных двадцать девять, один разбит; патронов что-нибудь тысяч около трех, восемнадцать гранат, три пистолета с патронами... Есть еще трофеи: два автомата и около двухсот автоматных патронов. Настроение боевое.

— Патронов мало...

Лейтенант взглянул на часы и четко распорядился:

— Дать по второму, трофейному, автомату сержантам, командирам отделений. Пусть стреляют по фрицам прежде всего их же патронами. Перейти на стрельбу одиночными выстрелами. Короткие очереди — при крайней

нужде и только при отражении атак. Иначе через час нам и отбиваться нечем будет.

Парторг, следивший за Беловым, внутренне улыбнулся. Чем труднее складывалась обстановка, тем собранней, бодрее становился лейтенант. Он как бы примирился с тем, что воюет не на плацдарме плечом к плечу с однополчанами, а здесь, в одиночку.

Белов позвал командира второго взвода и сержанта Крутикова. Оба, держа автоматы в руках, доложили о прибытии. Крутиков стоял, пригнувшись, в одной гимнастерке — огромный рост не позволял ему выпрямиться в траншее.

— Почему раздет?

Крутиков осмотрел себя. Видимо, он и сам только что заметил, что без шинели.

— И, раздетым жара была, товарищ гвардии лейтенант. Возвращусь — оденусь, — смущенно ответил он.

— Оденься, оденься, — кивнул Белов, — на ветру сразу прихватит. — И, переведя глаза на крепыша Круглова, спросил: — Как дела, старший сержант? Учим фрицев уму-разуму?

— Дела неплохи, на мой взгляд, товарищ гвардии лейтенант. Вот патрончиков маловато, чуток бы побольше, ловчее было бы.

— Сколько у тебя осталось?

— Своих второй диск неполный. Сейчас еще немецких добавили.

— Надо экономить!

— Стараемся по силе возможности. Последний раз они так навалились на мой фланг — тут уж не до экономии было...

— Ясно, ясно, Круглов. Молодецки дрались. Вам и всему составу, — сержанты при этих словах приняли стойку «смирно», а Крутиков по привычке вытянулся так,

что его голова в каске оказалась выше траншеи, — ...от лица службы объявляю благодарность!

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили оба сержанта.

— Еще раз требую стрелять только наверняка и оди-ночными патронами! Зорко следить за врагом! Ясно?

— Так точно! — в один голос молодцевато ответили командиры.

Следующая, пятая по счету, атака фашистов захлебну-лась в самом начале. Не выдержав прицельного огня гвар-дейцев, фашистские солдаты залегли и начали окапы-ваться.

— Спесь-то мы с них сбили, — подмигнул Князеву лейтенант Белов, наблюдая, как гитлеровцы торопливо зарываются в землю. — Что-то скромнее стали! Видимо, тылы почистили, а в тылах какие вояки!

— Да. Атака слабенькая. Выдыхаются, — согласился Сергей.

По многим боям, в которых ему довелось участвовать, а особенно по боям в Сталинграде, он хорошо изучил повадки врага: немцы с тупой настойчивостью станут доби-ваться своего — уничтожить роту.

Но он понимал и другое. Если б немцы имели больше средств и сил, если бы их внимание не было приковано к захваченному Советской Армией плацдарму, они б не возились столько времени с неполной ротой, а по суще-ству — со взводом. Не бросали бы людей в эти неоправ-данные, граничащие с безрассудством атаки, они просто уничтожили бы траншею минометным и артиллерийским огнем.

Однако сейчас таких средств они выделить, видимо, не могли. Именно поэтому важно было упорной обороной

траншеи приковывать к ней как можно больше сил врага. Так понимал обстановку Князев, так оценивал ее и Белов.

Сергей испытывал большое внутреннее удовлетворение, присматриваясь к действиям командира роты. Его распорядительность, выдержка, холодное спокойствие, правильное понимание обстановки искренне радовали парторга.

Владимир Васильевич Белов был семью годами старше Князева и значительно больше его умудрен жизненным опытом. В военном же отношении Сергей считал Белова в какой-то степени своим воспитанником. Он помнил, как еще в Раменском, под Москвой, где располагалась их десантная рота, Белов прибыл с краткосрочных курсов на должность взводного командира. Длинный, немного нескладный, с одним кубиком в помятых петлицах, появился он перед политруком роты.

— Вам бы следовало, младший лейтенант, привести себя вначале в порядок, а затем представляться, — недовольно заметил Князев.

— А это что, главное?

— Главное — в порядке, младший лейтенант, — оборвал политрук. — В уставном порядке!

— Понятно. Будет учтено, — коротко и безобидно пробасил Белов... Так началось их знакомство.

Вначале у нового командира дела во взводе не клеились. При личных проверках и на совещаниях командир роты частенько пробирал Белова за непорядки во взводе. Белов плохо знал службу: сам он, как студент сельскохозяйственного института, солдатом не был, а краткосрочные курсы, конечно, всего дать, что давало нормальное военное училище, не могли.

Князев стал чаще бывать во взводе, больше беседовал с Беловым, помогал ему, охотно делясь с ним знаниями, приобретенными в старейшем Военно-политическом училище имени Фридриха Энгельса.

Белов быстро усваивал советы и умело применял их в практической работе; взвод его пошел на подъем. Постепенно между ним и политруком установились хорошие, товарищеские отношения. Со временем Князев познал и оценил по достоинству качества нового взводного: твердую руку, умение держать свое слово, справедливость, распорядительность, большую взыскательность к себе и полное отсутствие даже малейшей робости перед начальством.

В первых же боях под Сталинградом взвод Белова показал себя с положительной стороны. И когда выбыл из строя командир роты, ротным был назначен по рекомендации Князева младший лейтенант Белов.

Совместное участие в боях, взаимная выручка и поддержка сделали их близкими, верными друзьями.

Сергей был очень доволен, что именно Белов оказался с ним рядом в этой трудной обстановке. На такого командира можно положиться. Но он понимал: каков ни будь командир, а если каждый боец не проникнется высоким чувством ответственности за порученное ему дело, рота не сможет успешно выполнить свой долг. Поэтому Сергей использовал всякую свободную минуту для того, чтобы поговорить с людьми, помочь им.

В наступившем после пятой атаки затишье он собрал возле раненого Ануфриева коммунистов и комсомольцев. Пришло девять человек, четверо из них — члены партии. В роте было больше коммунистов, но все сразу они не могли оставить обороняемые ими участки.

— Прошу садиться, товарищи, — устраиваясь в кругу бойцов на пододвинутый к нему железный ящик из-под патронов, пригласил Князев. — А ты лежи, лежи, Ануфриев, — остановил он сфрейтора. — Как чувствуешь себя?

— Спасибо, товарищ гвардии старший лейтенант. Бодрствую. — Бледное, измученное лицо Ануфриева на секунду озарилось доброй улыбкой.

— От души рад за тебя. Хорошо воюешь. Вот и Исаков с Крутиковым тоже начали силу свою развертывать. Верно я говорю?

— Точно, товарищ старший лейтенант, — за двоих ответил Исаков, выглядывающий из-за широченной спины сержанта Крутикова.

— А ты, Федин, что молчишь? Или приуныл? — обратился парторг к угрюмому, неразговорчивому солдату, до перехода в роту работавшему поваром. Его Князев хорошо знал.

— Характер мой не позволяет ныть, товарищ гвардии старший лейтенант. Верно, веселиться особенно тоже нет повода. Поэтому я, как бы сказать, в полном равновесии нахожусь.

— Равновесие тоже дело неплохое... Духом нам падать, друзья мои, нельзя. Вы сами видите, — парторг показал на север, где гремел бой, — наши однополчане захватили плацдарм, расширяют его. Нашим товарищам там, наверное, потруднее и много потруднее, чем нам. Там они каждый клочок земли берут с боем!

Парторг обвел взглядом бойцов — лица их были суровы и внимательны.

— Обстановка не позволила нам драться бок о бок с нашими товарищами. Мы оказались прикованными вот к этой траншее. И наш долг теперь — помочь им отсюда. Мы наступили врагу на большую мозоль. Враг всеми силами пытается уничтожить нас, развязать себе руки. Видите, как он настойчиво атакует. Но мы бьем врага, срываем его замысел.

— Должны бить, товарищ старший лейтенант, — хмуро и решительно произнес Федин. — Другого выхода у нас нет. Если бить не будем, погибнем.

Князев хотел возразить, но Федин рассуждал в сущности правильно.

— А ты, Крутиков, что на это скажешь? — обратился Сергей к сержанту. — Не пугает такая перспектива?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант. Наше солдатское дело известное: ты врага не убьешь — он тебя убьет.

Князев искусно втягивал в разговор коммунистов, и скоро между ними завязалась живая откровенная беседа. Парторга радовало, что все, как и Федин, трезво смотрят на создавшееся положение, не умаляют опасности и задачу свою понимают правильно. Он еще и еще раз с гордостью и большой теплотой подумал о своих товарищах — простых русских людях: «Ни тени уныния или растерянности — вот оно истинное мужество!»

Зашел разговор о том, как вернее, с меньшими потерями отражать атаки противника. Все начали вносить свои предложения. Ануфриев говорил о взаимной поддержке во время атак, Круглов предложил лучше использовать маскировку, а Исаков, призывая экономнее тратить патроны, вызвал общий смех, сказав, что он будет стараться одним выстрелом снимать двух фашистов.

— Правильно, правильно, — улыбнулся парторг, довольный веселым оживлением среди бойцов. — Двух, может, одной пулей и трудновато снять, а вот по одной пуле расходовать на каждого фашиста можно и нужно. Мы обязаны выстоять! А для этого должны расчетливо вести огонь. Надо каждому понять: будут у нас патроны — враг не увидит нашей траншеи! И полностью прав сержант Крутиков, говоря, что каждый убитый нами фашист — прямая помощь нашим бойцам на плацдарме. Это мы должны разъяснить и остальным товарищам. Дрались мы до этого хорошо. Командир роты всем объявил благодарность. На похвалу командира надо ответить делом. Не успокаиваться, а еще лучше драться. Каждому строжайше выполнять приказ командира роты — стрелять только на верняка! Каждому фашисту — одну пулю! Будем воевать

так, как коммунист Ануфриев. У него нога перебита, а он остался в строю, вместе с нами отражал все атаки. Хорошо дерется. Честь и слава ему!

Взоры всех обратились к Ануфриеву. Полными одобрения глазами смотрела на героя ефрейтора и Вера Казакова, сидевшая у него в изголовье. Трудная бессонная ночь наложила тень утомления на ее красивое лицо.

— Я кончаю, товарищи, — продолжал парторг, перекинувшись случайным взглядом с Верой. — Всего несколько минут назад убили наших дорогих друзей — Васина, Ерохина, Трофимова, Духовного. Пусть будет месть наша беспощадной! Бить, бить и бить врага! Одной пулей... Только одной пулей, наверняка бить!

Наблюдая за противником, Сотников заметил, что в его расположении производятся какие-то земляные работы. Вначале Сотников не придавал этому значения, но вскоре подметил еще одну деталь: фашисты, залегшие во время атаки между траншеями, ползком, поодиночке перебирались обратно в свою траншею. Старшине стало ясно: немцы что-то затевают. Он сообщил о своих подозрениях парторгу и ротному, заглянувшим на его участок.

Оба они минут пять внимательно изучали местность. Лицо Князева, обезображенное свежими, смазанными йодом шрамами, все больше и больше хмурилось.

— Хотят накрыть нас артиллерийским, а скорее всего, минометным огнем. Видно, подтянули кое-что.

И действительно, не успел старший лейтенант высказать свое предположение, как над их головами с шелестящим свистом пролетела мина. Метрах в сорока от траншей прогремел разрыв; глухо ударились о землю осколки.

— Теперь жди ближе...

— Да-а, обстановка осложняется, — задумчиво проговорил Белов. — Старшина Сотников, передайте людям: по

траншее попусту не ходить. При необходимости передвигаться только по одному. Еще передайте...

Белов не успел договорить — метрах в трех от них разорвалась мина. Все трое инстинктивно пригнулись и плотно прижались к стенке траншеи.

— Фриц голоса меня пытается лишить, — усмехнулся Белов, когда затих шорох падающих осколков. — Передайте: усилить наблюдение. Следует быстро разыскать ближайший наблюдательный пункт фашистского минометчика и снять его.

— Тут, братец мой, откуда ни глянь, всё нас увидишь, — заметил Князев.

— Однако ближайшего к нам корректировщика необходимо уничтожить. И еще: с минуту на минуту надо ожидать массированного минометного налета. А вслед за ним, можно наверняка сказать, последует новая атака. Поочередно нести наблюдение. Оно должно быть постоянным! Я передвинусь немного левее.

Князев и старшина разошлись по траншее в разные стороны, а Белов занял пустующий окоп и принялся лопатой расширять и улучшать сектор обстрела и наблюдения за врагом.

В это время к нему подошла Вера Казакова. Она неторопливо прислонила к земляной стенке свой автомат и заговорила:

— Товарищ гвардии лейтенант, сейчас я еще раз осмотрела раненых. Двое доживают последние минуты, пятерых надо срочно оперировать.

— Вы мне так говорите, Казакова, словно всё дело за мною, словно из-за меня вы не можете эвакуировать раненых, — недовольно и начальнически строго оборвал девушку Белов.

— Я сказала об этом для того, чтобы... Ну, как вам сказать... сообщить как-то... Командир полка сюда бросит силы... Ведь у нас совсем мало остается патронов.

— Да-а, патронов мало. И людей мало, — сразу как-то сникнув, согласился Белов. — Каждый боец у нас сейчас равен взводу. Вот поэтому я и не могу больше посылать связанных. Кушко ушел и не вернулся. Видимо...

— Я сама готова выполнить задание. Надеюсь, ко взводу вы меня не приравняете?

— Вас послать не могу, слышите? — вновь резко перебил Белов. — Если бы у нас патронов оставалось еще меньше, я все равно вам такого приказа не отдал бы. Вы что, шутите? По открытой местности, на виду у врага... О Кушко забыли?..

— Кушко мог случайно выйти из строя.

Вера хотела сказать, что она уже продумала детали маршрута; трудно, но все же можно добраться до плацдарма. Однако Белов не дал ей больше говорить.

— Нет, нет. До вечера и так продержимся. Солдату, что с лодкой отправлен, приказано было сообщить, где мы высадимся. Кушко послал... Хватит. Сходите и еще раз осмотрите раненых, помогайте им, — приказал Белов тоном, не терпящим никаких возражений.

Вера ушла, огорченная столь решительным запретом.

Оценивая обстановку по-своему, она пришла к твердому убеждению, что для спасения раненых у нее только один выход: добраться до своих, сообщить о роте, попросить поддержки — ведь силы очень неравные. Особенно встревожил Веру минометный обстрел: если мина угодит в траншею, сразу выведет из строя несколько человек. И раненых от мин нельзя уберечь...

«А что если обратиться к Сереже? — подумала она, но тут же отогнала эту мысль: — Нет, этого делать не следует. Он также не согласится. И тогда всё. Надо лейтенанта убедить. Только его!»

Проводив санинструктора, Белов снова принялся за устройство окопа. Но мысль о предложении Казаковой не

оставляла его, и время от времени он поглядывал на дымящийся, грохочущий плацдарм.

«Доползти... надумала-таки. Смелая девушка, ничего не скажешь. Но затея безрассудная».

И как бы желая основательнее подкрепить принятое им решение, он измерил взглядом расстояние, отделяющее их траншею от южной оконечности плацдарма. На этот раз он более тщательно ощупал глазами каждую складку местности, каждый камень и попытался определить место, где могли снять Кушко.

— Новый НП готов? — слышался сзади голос парторга.

— В основном. — Белов уступил ему свое место в окопе, и старший лейтенант внимательно осмотрел вражеские позиции.

— Минометы пристрелял и выжидает?.. Дай-ка бинокль, — настороженно проговорил он. — Ну, точно. Какой-то стервец ползет в направлении отдельного дерева. И ловко ползет! Жаль, ой жаль нет винтовки! Впрочем, я из автомата попытаюсь, — с этими словами Сергей быстро вскинул свой автомат, но Белов остановил его и сам стал смотреть в бинокль.

— Ага, вижу, теперь вижу... Верно, направляется к дереву.

— Вот к дереву-то его и не следует допускать. Не иначе — очередной наблюдатель.

Белов прицелился из автомата и сделал несколько одиночных выстрелов. Немец замер на секунду и снова пополз.

Сергей тоже сделал несколько выстрелов.

— Скажи на милость! Ползет!

Немец достиг одиночного толстого дерева, укрылся за него и начал что-то кричать. Попутный ветер донес отчетливые слова: «Рус, сдавайс... Рус, сдавайс... Выход нет...

Я унтер-офицер... Драй минутен дадим думать... Драй минутен...»

— Ты смотри, смотри. Ах, мерзкая тварь!!! — возмущенно пробормотал Князев.

Фашист еще что-то сказал, а затем, на мгновение взглянув из-за дерева, бросил в направлении траншеи гранату. Когда дым от взрыва рассеялся, он снова, мешая русские и немецкие слова, что-то прокричал и медленно, растягивая каждый слог, стал отсчитывать:

— Айн, цвай, драй, фир, фюнф, зекс, зибен, ахт...

— Хорошенькое дельце. Вот это парламентар!

— Сейчас я ему глотку заткну! — Князев сорвал с пояса ручную гранату и рывком снял предохранительное кольцо.

— Пустое дело, не добросишь.

— Доброшу, коли надо!

Сергей ступил ногой на выступ в окопе, сделанный Беловым, и, на какую-то долю секунды высунувшись из траншеи, с силой пустил гранату в фашистского унтер-офицера. И тут же, цепляясь пальцами за бруствер, медленно стал валиться назад. Он ударился бы головой о противоположную стенку траншеи, если бы Белов не схватил его за отворот шинели.

Все произошло так быстро и неожиданно, что Белов вначале не понял, что же случилось. Он обнял парторга обеими руками и осторожно положил на дно траншеи. И тут только с ужасом увидел, что из головы Сергея, чуть повыше лба, идет кровь. Вид этой крови словно парализовал Белова. Он сидел неподвижно, ничего не предпринимая, следил глазами за бьющей вверх алой струйкой. Но так было какие-то мгновения. Очнувшись, Белов сорвал застежку на клапане сумки противогаза, вынул индивидуальный пакет, надорвал его и приложил к ране сразу несколько марлевых тампонов.

— Санинструктора! Живо!

Прибежала Вера Казакова. Сердце у нее сжалось, когда она нагнулась над Князевым.

— Сереженька, Сережа, — шептала непослушными губами.

Не спуская глаз с бледного и неподвижного лица Сергея, Вера стаскивала с плеча санитарную сумку. Брезентовый ремень зацепился за что-то сзади, и она никак не могла освободить его. Белов помог ей. Вера поспешно достала из сумки все нужное для перевязки и схватила руку Сергея чуть повыше кисти. Скачущими, будто чужими пальцами искала пульс и не находила его; снова и снова ее дрожащие пальцы обшаривали горячую, жилистую руку Князева.

— Жив! — радостно прошептала она, нащупав, наконец, пульс. Сразу стало легче дышать. Она попросила Белова немного приподнять парторга, осмотрела рану, обработала ее.

— Есть надежда? — спросил Белов, когда она окончила перевязку.

— Очень тяжелое ранение... Если бы сразу на операционный стол...

Вера всхлипнула, не в силах уже сдерживаться.

Подошел старшина и сообщил Белову, что фашист-«парламентер» убит. Лейтенант смотрел на старшину и не понимал, о чем тот говорит.

Внезапно послышался грохот. Сотников сразу упал на дно траншеи, Казакова плотно прижалась к земле, Белов, набросив на автомат полу шинели, также прижался к стенке окопа.

Мины разорвались где-то рядом, и, когда затих свист осколков, Белов приказал Казаковой и Сотникову немедленно отойти от опасного места: следующий залп мог угодить в траншею.

Так оно и случилось. Не успели они отбежать, как ухнуло второй раз, и одна мина разорвалась в траншее, недалеко от места, где они только что были. Лежавшего у изгиба траншеи Князева осыпало землей.

Еще не рассеялся полностью дым, а Вера уже жадно осматривала Сергея. Белая повязка на его голове потемнела. Лицо, шинель и сапоги покрылись слоем пыли. Князев лежал неподвижно, точно мертвый. Вера порывисто схватила его руку и тут же ощутила учащенные, ясно прощупываемые удары пульса.

Это казалось почти чудом, но Сергея не задело ни одним осколком.

Вера обхватила Князева за плечи и, поддерживая голову, оттащила его в узкую и более углубленную часть траншеи.

— Неправда, ты будешь жить, Сережа. Жить, несмотря ни на что! — шептала она.

Осторожно уложив Сергея, Вера вернулась в свой окоп.

И только здесь она заметила, как тряслась и стонала вокруг земля. В ушах стоял непрерывный грохот; кругом потемнело; над траншеей с завыванием пролетали осколки мин; по голове и плечам ударяли комья земли; от дыма, смрада и пыли трудно стало дышать.

— По фашистам огонь! — услышала Вера голос Белова и, стряхивая с себя оцепенение, приникла к брустверу окопа.

Минометный шквал затих. Справа и слева редкими цепями к траншее бежали немцы. Вперед вырвался офицер. Он что-то кричал, кругло разевая рот. Вера прицелилась в него, но кто-то, видимо, опередил ее — гитлеровец пошатнулся, сделал три — четыре неровных шага и рухнул на землю...

7. С ОТВЕТСТВЕННЫМ ПОРУЧЕНИЕМ

Шестая атака, к удивлению Белова, была отбита сравнительно легко. Гитлеровцы, видимо, понадеялись на силу минометного огня, не ожидали встретить дружный отпор и сами не проявили прежней настойчивости. А возможно, это были уже совсем иные гитлеровцы: самых заядлых и ретивых рота вывела из строя, и немцы теперь бросали в атаки разношерстный сброд из тыловых подразделений. Так или иначе, но атаку быстро отбили, ни один из фашистов не добежал до траншеи.

Однако сама траншея с врезанными в неё узкими щелями и окопами, темной ломаной линией пересекающая косогор, сильно пострадала от минометного обстрела. Несколько мин упало прямо в нее, большая же часть их легла рядом.

«Как искромсали!.. Как исполосовали!» — думал Белов, осматривая траншею. Он задерживался у окопов, указывал бойцам, какие работы надо сделать, и шел дальше, спотыкаясь о комья развороченной земли. Потери в роте оказались невелики: один убит, два человека ранены, один получил контузию и остался в строю.

Но подсчет оставшихся боеприпасов был неутешительным. Выслушав старшину Сотникова, Белов тут же подзвал к себе командира другого взвода и распорядился совершенно прекратить стрельбу и впредь отражать атаки только одиночными выстрелами, подпуская фашистов как можно ближе.

— Бить только наверняка! Все должны помнить об этом. Патроны сейчас для нас дороже всего... А вы что, Круглов, прижимаете под мышку? — спросил вдруг Белов, задерживая взгляд на коренастом старшем сержанте.

— Да так я...

— То есть как это так?! — уже строже спросил Белов. — А ну-ка, подними руку... Да ты ранен?

— Сущий пустяк, товарищ гвардии лейтенант.

— Хорошенькое дельце, пустяк... Вот легка на помине, — он повернулся к подошедшей Казаковой. — Перевяжите Круглова.

— Ранены и молчите, — устало попрекала Вера старшего сержанта, отыскивая место, где расположиться. — Я же всех обошла, всех спрашивала. И вас тоже. — Она помогла Круглову снять гимнастерку и, обрабатывая рану, продолжала тем же укоризненным тоном: — Крови-то сколько потеряли... Вся рубаха пропиталась. Будете у меня следующий раз скрывать?

Круглов чувствовал неловкость, стоя перед девушкой по пояс голый; кожа его вздрагивала от прикосновения её теплых проворных пальцев.

Закончив перевязку, Вера хотела помочь Круглову надеть гимнастерку, но тот легонько отвел ее руку.

— Парторга смотрела? — спросил Белов санинструктора.

— Все так же... Без скорой операции... — девушка хотела сказать: «Без скорой операции вряд ли выживет», но сама испугалась таких страшных слов... — Нужна операция... Чем скорее, тем лучше.

Белов промолчал. Он вынул диск и стал наполнять его патронами. патронов не хватило. Осмотрел все свои карманы и, ничего не найдя, достал было из кобуры обойму от пистолета ТТ, повертел её в руках и, не разряжая, убрал в кобуру.

Вера не спеша собрала и уложила в сумку все медицинские принадлежности, забросила ее за спину, оправила шинель и покрепче затянулась ремнем. Видно было, что она умышленно медлит: хочет о чем-то спросить командира роты, но все не может осмелиться. Наконец, когда Белов собрался уходить, Вера взволнованно заговорила:

— Я глубоко осознала наше положение и еще раз тре... — она запнулась, видимо, посчитав слово «требую»

неподходящим, — прошу вас разрешить мне добраться до наших позиций. Это единственно верный путь спасти раненых...

Белов, не отвечая ей, повернулся в сторону затянутого дымом плацдарма и что-то рассматривал там, подняв к глазам бинокль.

«Пожалуй, действительно следует сделать еще одну попытку известить командование. Что верно, то верно. Кушко не дошел, это ясно», — думал он. Остановив взгляд на девушке, он вдруг спросил:

— А вы уверены, что доберетесь?

— Считаю это вполне возможным. С ранеными я напозалась побольше каждого.

Лейтенант едва заметно улыбнулся.

— Даже вполне?! Хорошо. Расскажите, какой вы намеряете маршрут?

Казакова провела лейтенанта на правый фланг обороны и показала на местности предполагаемый путь своего движения к плацдарму. По тому, как горячо говорила она, Белов чувствовал, что девушка всерьез подготовилась к выполнению рискованного задания.

— Ну что же, — после небольшой паузы задумчиво одобрил он. — Вы неплохо продумали. Надо подготовить срез, что позволит незаметно вылезти из траншеи и достигнуть, не обнаруживая себя, выема вон той гряды, — Белов указал на гряду, что спускалась к Днепру. — А мне нужно кое-что нарисовать...

Он тут же отдал приказ двум солдатам сделать срез, предупредив их, чтобы они работали скрытно и землю сбрасывали в траншею. Потом вынул планшетку, компас и на чистом листе бумаги быстро начертил свою траншею, расположение окопов и огневых точек фашистов.

— Вот и готово, — сказал он, отрываясь от планшетки. — Вы правы, Казакова. Сообщить о роте надо. Но поручение это выполнит... Исаков.

— То есть как Иса-аков! — воскликнула Вера и вдруг вся словно ошестинилась: глаза ее округлились, она сердито смотрела на ротного командира.

— То-ва-рищ лей-те-нант! Вы же дали свое согласие...

— С поручением направится Исаков, — невозмутимо подтвердил Белов и отдал распоряжение позвать к себе рядового Исакова.

— Посылать вас... — начал было он, но в этот момент рядом разорвалась мина и Белова волной сбило с ног.

Вера инстинктивно успела прижаться к стенке, её только осыпало щебнем. В следующую секунду она бросилась к Белову, неподвижно лежавшему поперек траншеи, тыльной стороной кисти на секунду прикоснулась к его губам. Ощутила дыхание.

— Жив! Товарищ лейтенант, то-варищ лейтенант! — опустившись на колени и тормоша его за плечи, почти кричала Вера.

Белов не отзывался, глаза его были закрыты. Вера осмотрела его, но не обнаружила никакой раны и несколько успокоилась. «Очевидно, просто потерял сознание». Увидев в стороне наполовину засыпанный щебнем листок, на котором Белов нанес обстановку, она машинально подняла его, свернула и сунула себе в карман.

Снова наклонилась над Беловым, сняла с него каску. Повязка на его голове успела пропитаться свежей кровью.

— Жив, Вера? — спросил подбежавший испуганный командир первого взвода старшина Сотников.

— Жив.

Сотников шумно выдохнул воздух:

— Вмятина-то какая на каске...

— Значит, он двойной удар получил: от волны и осколка, — сказала Вера, осматривая разбинтованную голову Белова. — К счастью, больше нет повреждений. Потревожена прежняя рана. Должен скоро прийти в себя.

И действительно, Белов открыл глаза, посмотрел помутневшим взглядом на Казакову, на Сотникова и, не проронив ни слова, снова закрыл глаза.

Вера с помощью старшины передвинула его немного в сторону и усадила удобнее, привалив спиной к скосу траншеи. Белов снова очнулся.

— Налет был? — спросил он и почему-то поморщился.

— Нет, не было налета.

— Шальная, выходит, — вяло обронил Белов, и снова лицо его сделалось словно чужим.

«Вспомнил», — обрадовалась Вера.

И вдруг вспомнила сама о недавнем разговоре с Беловым, о поручении, которое тот хотел дать Исакову.

«Как же быть, как же быть? — лихорадочно думала девушка. — Ведь командир не успел отдать приказа, и неизвестно, сможет ли сейчас, в таком состоянии, сделать это. А идти на плацдарм кому-то нужно, обязательно нужно. Медлить нельзя — здесь раненые, Сережа...»

И мгновенно созрело решение: «Я сделаю это все-таки сама, сама выполню задание. Пусть это против воли Белова, но в данную минуту это самое разумное...»

Вера отозвала Сотникова в сторону:

— Командира роты надо пока оставить одного и не утомлять разговорами. Память к нему вернулась, скоро на ноги встанет. А мне, товарищ старшина, разрешите выполнять задание.

— Какое задание? — встревожился Сотников, чувствуя, что санинструктор обращается к нему уже как к старшему в роте командиру.

— Я должна немедленно отправляться к своим. Вот донесение от командира роты, — Вера извлекла из кармана листок. — Лично подполковнику Мозуренко приказано передать. Вера прямо смотрела в глаза Сотникову и говорила так уверенно, что не вызвала у него никаких подозрений.

Они проверили срез в траншее, сделанный по распоряжению Белова. Сотников был несколько ошеломлен своей новой ролью старшего командира и все одобрял. Вера тут же навела порядок в своей сумке, отобрав для себя пару индивидуальных пакетов. Потом осмотрела автомат, открыла диск, вначале хотела пополнить его, потом раздумала. Другой диск и часть патронов, извлеченных из карманов шинели, положила перед Сотниковым.

— Вам они здесь будут нужнее.

— Товарищ старшина, разрешите обратиться, — неожиданно появился перед ними маленький и верткий рядовой Исаков.

— Ну... обращайся, — недовольно протянул Сотников.

— Слушок до нас дошел, что сестрица в поход собирается... Мы так промеж себя поговорили, и нам вроде кажется, не девичье это дело — землю брюхом вытирать на глазах у фрицев. — И, сверля своими зеленоватыми смеющимися глазами старшину и браво вытягиваясь перед ним, заключил: — Дозвольте мне выполнить задание, разом своих достигну. А сестрица пусть раненым помогает, кто же за ними ухаживать будет?!

Сотников был озадачен. Казакова покраснела, но не растерялась.

— Я вас должна разочаровать, Исаков, вы опоздали со своим предложением, — быстро сказала она. — Сам лейтенант отдал приказ, и старшина не вправе изменять его. И потом каждый мужчина здесь во много раз нужнее, чем женщина. А что касается раненых, за ними во время моего отсутствия будете ухаживать вы. Вы когда-то работали ветеринаром. Вот вам моя медицинская сумка.

— Что вы, сестрица! Да я... — начал было Исаков, но старшина оборвал его.

— Все! Решение принято, Исаков. Отныне будешь, как говорится, по совместительству замещать сестрицу. Чего ж стоишь, бери медицинскую сумку.

Прежде чем уйти, Вера подошла к Князеву.

Сергей лежал как пласт. Девушка дрогнувшей рукою стянула с его головы конец плащ-палатки. Исцарапанное лицо парторга покрылось белыми пятнами, он быстро и неровно дышал.

— Сережа!.. Се-ре-жа!.. Не слышишь меня? Горит, бедняга, — вздохнула она, ощутив его горячий лоб. Осторожно сняла плащ-палатку, стряхнула с нее землю, щебень и снова бережно укрыла его. Потом присела рядом, будто прощаясь перед дальней дорогой. Ей вдруг показалось, что она видит Сергея последний раз. Кто знает, что произойдет здесь до ее возвращения? Удержатся ли гвардейцы? Успеет ли она дойти до своих и вернуться с подмогой? И дойдет ли? Может, как и Кушко... «Ой, какие нехорошие мысли мне в голову лезут», — оборвала себя девушка. Она склонилась над Сергеем, коснулась губами его сухих, жарких губ.

— Прощай, дорогой! Я доберусь. Обязательно доберусь до своих. Только этим я могу помочь тебе.

Постояла с минуту над ним и вдруг решительно, не оборачиваясь, заспешила к Сотникову.

Они вместе выглянули из укрытия, последний раз изучая местность. Впереди застывшими морскими волнами поднималась вверх прибрежная круча. Хорошо была видна сплошная, изогнутая траншея врага.

Сотников, не раз ходивший в разведку, показал Вере, где и как ей лучше ползти, как преодолевать открытые места, как использовать камни и все неровности на пути.

— Если обнаружат, начнут стрелять, не торопитесь, поспокойнее будьте. В таких случаях делайте вид, что убиты. Средство испытанное!

— Запомню.

Старшина отряхнул пыльные руки. Он взглянул на Казакову, и в лице его что-то дрогнуло, глаза потемнели.

Ему, видимо, хотелось обнять ее, как обнимал близких друзей, провожая их на опасное дело, но он не посмел.

— Ну, наша неутомимая сестра, желаем успеха! Горячий привет товарищам на плацдарме. Скажите им, они здорово дерутся. Мы же будем держаться до последнего вздоха! Вот так и передайте.

Что-то старшина еще думал сказать Вере на прощанье, но не был он мастером произносить длинные речи и вместо слов крепко пожал ее небольшую твердую руку.

Вера перехватила удобнее автомат, легла в свежее углубление среза и поползла из траншеи на открытую, залитую солнечным светом поверхность земли...

Оставшиеся в траншее, затаив дыхание, следили за девушкой.

А Вера, плотно прижимаясь к земле, ловко работая руками и ногами, ящерицей передвигалась к выемке у земляной гряды, сбгающей вниз. Высокий сухой бурьян почти сливался с ее выцветшим обмундированием. На полпути между грядой и траншеей она перестала двигаться, не поднимая головы, повернула лицо в сторону немцев. Потом очень осторожно приподняла голову повыше и с минуту смотрела на позицию врага. Так же осторожно припала к земле, полежала чуть без движения и поползла дальше.

— Эта доберется не хуже тебя, Исаков, — выпрямляя массивные плечи и не сводя глаз с удаляющейся фигурки девушки, проговорил Крутиков.

— Верно, товарищ сержант. Она у нас пробивная... Но, мне думалось, нашему брату сподручнее было бы... Дивчину под пули послать...

Наткнувшись на строгий взгляд старшины и зная, что приказы не обсуждаются, Исаков умолк.

Казакова благополучно достигла выемки, спустилась в нее. Выемка была неглубокая, но вся заросла высоким серым бурьяном. Здесь можно было сесть, оставаясь незамеченной врагом. Кругом на взгорках росла жесткая, поблекшая и густо пропыленная трава. Вера в кровь изодрала об нее руки. Сердце девушки сильно стучало, однако она не ощущала усталости.

Посидев несколько минут, Вера поползла дальше вниз, к реке. Теперь можно было передвигаться свободнее — на время отпала необходимость плотно прижиматься к земле.

Солнце, пробиваясь сквозь серые облака, бросало свои яркие и еще сильно греющие лучи прямо на девушку, освещивало на потертых частях автомата.

Со стороны плацдарма доносился непрерывный гул боя. Там не умолкала канонада, от снарядов и мин содрогалась земля, отчетливо различались пулеметные очереди.

Вера внимательно разглядывала все вокруг. Чувства ее предельно обострились. Ей даже казалось, что она стала лучше видеть. Сейчас она замечала такие детали, на которые раньше не обратила бы внимания.

Заросшая густым, высохшим бурьяном естественная выемка, удачно скрывавшая девушку, постепенно мельчала и впереди совсем сравнивалась с окружающей местностью.

Вера вспомнила предупреждение старшины Сотникова: «Тот участок будет первым вашим серьезным препятствием. Там фашисты могут обнаружить вас». Она плотнее прижалась к земле.

Когда до конца выемки уж оставалось каких-нибудь два — три шага, послышался треск немецкого пулемета и над головой Веры просвистели пули. Она замерла, прижалась щекой к траве. «Заметили!» Несколько секунд девушка не шевелилась, настороженно ожидая. Вскоре снова повторился стук немецкого пулемета. Пули пошли не-

сколько левее. «Так, так. Очень хорошо, — с облегчением подумала Вера. — И чего мне показалось, что меня обнаружили?» Она сделала еще несколько движений вперед и оказалась на совершенно ровной поверхности. Невольно по спине девушки прошел неприятный холодок. «Я как на ладони», — мелькнула мысль.

Как с высокой горы видела теперь она и оставленную траншею, и злополучное дерево с темневшим около трупом фашистского унтера, и ближайшие позиции врага, что находились левее. На подступах к траншее Вера хорошо рассмотрела трупы гитлеровцев, они лежали в самых различных позах. «Ух, сколько!» — подумала она. Правее виднелись окопы фашистов. Из траншеи они не просматривались, и, очевидно, поэтому немцы здесь пренебрегали маскировкой. Они свободно ходили по окопам, хотя головы их, укрытые зелеными касками, возвышались над бруствером. «Странно. Почему у них такое движение?»

Где-то на горе прогремел залп минометной батареи, и знакомый шелест известил о приближении мин. Вера плот-

нее вжалась в землю. Ухнули глухие удары разрывов. Над головой прошла обессиленная взрывная волна; где-то в стороне застучали осколки.

Залпы следовали с равными промежутками. Мины рвались в районе гвардейской траншеи, высоко поднимая густые столбы черного дыма, в которых поблескивало пламя, наполняя воздух едкой пороховой гарью. Дым скоро образовал целое облако, оно колебалось, ширилось и медленно двигалось к берегу. Разреженный край его затронул и Веру, прикрыл ее, словно искусственной дымовой завесой.

Мины рвались далеко от Веры, даже осколки не долетали сюда. Но каждый залп батареи болью отдавался в ее сердце. Не думая о том, что ее могут заметить, девушка резко приподнялась на локтях. Как мучительно было видеть, что мины терзают и рвут родную траншею, где лежит беспомощный Сергей и другие раненые...

Прикрываемая неплотной дымовой завесой, Вера быстро стала продвигаться вперед и скоро достигла крутого спуска к Днепру.

Могучая река, переливаясь на солнце искристыми блестками, раскинулась перед ней. Но девушке некогда было любоваться ею. Задержавшись перед спуском, она еще раз оглянулась назад. Огонь минометов передвинулся и сосредоточился на левой половине траншеи.

«Неспроста. Хитрят что-то», — подумала Вера. Приглядевшись, она с ужасом заметила, что из немецких окопов, тех, что не просматривались из траншеи, вылезали немцы и ползали по-пластунски вперед. Под прикрытием минометного огня они могли незаметно подобраться к траншее и тогда...

Сердце девушки бешено заколотилось. «Ползут. Ползут, а наши не видят...»

Лицо ее исказилось от страха за товарищей. Что де-

лать? Как это ужасно, что она бессильна! Как помочь друзьям, предупредить их о коварном замысле врага?

А фашисты продолжали ползти неровной, колеблющейся цепью, иногда скрываясь от Веры за камнями и складками местности. Расстояние между ними и правой половиной траншеи сокращалось на глазах.

«Неужели никто не видит? Неужели наш лейтенант не разгадал их хитрости с переносом огня?.. А может быть, он опять без памяти? Нет, нет! Он должен, обязан встать!» — почти вскрикнула Вера, и глаза ее повлажнили от слез.

Огонь минометов передвинулся еще левее; немецкая цепь поднялась и побежала. Вера похолодела. Не соображая, что делает, она встала на колени. «Безнаказанно... Ой, да что же это... голубчики! Да взгляните хоть кто-нибудь. Товарищ старшина!» — бормотала она почти в забытии.

Внезапно гвардейская траншея заискрилась крохотными вспышками и покрылась плотными барашками дыма. Ничего не слышно было за грохотом минометной батареи, и Вера не сразу сообразила, что стреляют наши. А когда поняла, когда увидела, что бегущая к траншее цепь стала редеть, оставляя за собой убитых, ткнулась головой в траву и заплакала радостными слезами...

А через какую-нибудь секунду Вера уже спускалась по крутому обрыву к реке, мысленно подгоняя себя: «Скорее. Теперь скорее... Какие молодцы... Значит, лейтенант на ногах?.. Отобьются ли они? Отобьются! Только надо спешить, Верка, скорей спешить!»

Она подбежала к кромке воды, смочила пылавшее лицо и, припав на руках к воде, сделала несколько глотков. «Ах, хорошо!.. — вырвалось у нее. — Раненым бы такой».

Не задерживаясь, Вера поползла по самой кромке бе-

рега, кося глазами налево, на кручу, где мог затаиться враг.

Мелкие камешки больно впивались ей в руки. Только теперь она почувствовала, что изодрала не только ладони, но до боли намяла колени и локти.

Первые пятьсот — шестьсот метров Вера одолела благополучно и, как ей показалось, сравнительно быстро. Теперь она приблизилась к месту, где берег становился много отложе и ровнее. Укрывшись за большим камнем, она стала внимательно изучать местность.

На горе виднелась первая линия прерывчатой траншеи врага, тянущейся параллельно реке; дальше чернели свежевырытые окопы, а возможно, и траншея. Они шли перпендикулярно к реке и пока плохо просматривались. Не отметив никакого движения в траншее, Вера поползла дальше.

Путь становился труднее, каменистей. Она чаще стала делать короткие передышки. Руки и ноги деревнели. Из-под каски, о существовании которой Вера забыла, градом лился пот. Теперь девушка хорошо видела черную змейку свежевырытых окопов, от реки уходящих вверх. В них появлялись сероватые барашки дыма, и Вера поняла, что фашисты ведут огонь по плацдарму.

«Это и есть их оборонительный рубеж? Понимаю. Не так уж далеко осталось».

Через некоторое время боль в коленях и локтях совсем сковала ее движения. Вера стала отыскивать глазами подходящее местечко для отдыха. Заметила небольшое углубление в круче берега, похожее на пещеру, подползла. Вертикально обрывающийся берег надежно прикрыл ее от постороннего взгляда. Облокотившись о камень и прислонив голову к стене, Вера расслабила все мускулы и блаженно закрыла глаза.

8. ВСТРЕЧА

Тишина реки усыпляет и неуставшего человека. Девушка по-детски сладко потянулась, несколько раз вдохнула всей грудью свежий днепровский воздух.

Равномерное всплескивание воды у берега действовало умиротворяюще. Мысли Веры вернулись к Князеву. Вспомнился Сталинград, осень с пронизывающими ветрами, разрушенные врагом огромные корпуса завода «Красный Октябрь». Именно там, в этом пекле, где ни на час не прекращался бой, она призналась себе, что любила этого мужественного, энергичного человека.

...Короткий ноябрьский день, день исключительного по напряжению боя, угасал. Гитлеровцы не имели успеха. Только к вечеру им удалось потеснить небольшое подразделение на левом фланге батальона и занять подсобное помещение одного из цехов завода.

Рота младшего лейтенанта Белова получила приказ восстановить положение. Враг не выдержал стремительного натиска гвардейцев. Преследуя бегущих, рота ворвалась в кочегарку — в тактическом отношении очень важную позицию; противник на протяжении последних дней упорно её удерживал.

Здесь и был ранен Сергей Князев. Вера обнаружила его у входа в другое помещение. Он уже отполз метров на двадцать от места ранения и, вконец выбившись из сил, лежал без движения. Когда Вера повернула его, чтобы рассмотреть рану, он с трудом приподнял веки:

— Зачем ты здесь?

Она не ответила и принялась за перевязку, тревожно поглядывая в распахнутую дверь: фашисты третий раз поднялись в контратаку и начали теснить гвардейцев.

Князев, понимая, в каком положении они находятся, сказал чуть слышно:

— Прошу тебя, Вера, оставь меня, уходи... Одна ты меня все равно не вытащишь.

— Вынесу, помолчи, пожалуйста, — сердито оборвала Казакова.

Она ловко схватила Сергея за плечи и дотащила до выхода из кочегарки. Дальше можно было продвигаться только ползком — вся местность простреливалась.

— Немного ногами сможешь двигать?

— Попробую, — шепотом ответил Сергей. Вера рывком перенесла его через порог и тут же залегла, потом схватила Сергея под мышки, подтянула его голову и плечи на свое бедро.

— Вот так, хорошо. Старайся передвигать ноги в такт со мною.

Князев пытался передвигать ногами, но у него плохо получалось. Лево́й рукой он крепко уцепился за девушку, в правой держал автомат, иногда опираясь им о землю. Вера ползла с останков, ей было очень тяжело. Позади них усилилась перестрелка: гитлеровцы кинулись в новую атаку и, видно, еще потеснили гвардейцев. Над головами чаще засвистели пули.

Они успели проползти всего метра три — четыре: очередь трассирующих пуль ударила рядом с ними в стену. Вера видела, как отлетела в сторону ее медицинская сумка, как шевельнулась шинель Сергея, прошитая пулей. Шум позади нарастал.

— Теперь все. Оставь меня. Прошу... Оставь, — прошептал Князев, морщась. — Тебя схватят. Уползай, прошу...

Левая рука Сергея, которой он держался за Веру, ослабла, голова опустилась, он потерял сознание и сразу стал вдвое тяжелее...

Силы совсем оставляли Веру, ноги отказывались двигаться, пальцы не могли удерживать безвольное тело Кня-

зева. Но она все-таки удерживала его и все-таки ползла. Это были какие-то короткие рывки, предел ее сил.

С помощью подоспевших санитаров Вера отнесла Князева в глубь цеха, перевязала ногу. Той же ночью она проводила Сергея до переправы, под ее присмотром положили его на катер. Он был в бреду...

Тогда перед ними была Волга, а теперь другая великая русская река — Днепр...

Вот он, могучий, величавый, с беспокойными волнами, перед ее глазами. «Ему нет никакого дела до того, что идет ожесточенный бой с жестоким и коварным врагом; ему нет дела и до меня...» — подумала Вера, вздохнув.

Девушка начала всматриваться в противоположный берег, отыскивая знакомые ориентиры. Всего сутки назад она была там и, на цыпочках поднимаясь из глубокой траншеи, в бинокль рассматривала те самые места, по которым сейчас вынуждена ползти. «Вчера и не думала, что окажусь в таком положении».

Раздавшийся вдруг всплеск заставил ее вздрогнуть и плотнее прижаться к камням. Вера вся как-то съежилась, свернулась в комочек. Руки до боли сжали холодную сталь автомата.

Недалеко от себя она увидела двух фашистских солдат. Немцы брали из реки воду. Один из них, долговязый, размахивая длиннущими руками, зачерпнул ведро воды и стал что-то с жаром рассказы-

вать другому — поменьше, в роговых очках. Тот сплюнул и, подняв два котелка, потащился в гору. Длинный нехотя поползся за ним.

«Размечталась, дуручка. Даже не видела, как они подошли», — зло упрекнула себя Вера. Теперь она внимательно следила за немцами. Они поднялись выше и вскоре исчезли в траншее, почти незаметной с берега.

«Всего метров двести. Неплохо замаскировались. Очевидно, огневая точка, — отметила про себя девушка. — И надо же было мне остановиться, а им пойти за водой! Могло быть хуже».

Окончательно убедившись, что осталась незамеченной, Вера осторожно поползла вперед по песчаной кромке берега.

Вскоре она поравнялась со злополучной огневой точкой, врага. Кромка низкого берега заливалась водой, чтоб обойти ее, нужно было подняться выше. Но это было слишком рискованно. Вера забросила автомат на спину и решительно поползла к воде.

Вгорячах она не почувствовала холода, да и одежда не сразу пропиталась водой. Только ноги до колен мгновенно промокли.

Снова ступив на песчаную кромку берега, Вера заметила на влажном песке свежие вмятины от колен, отпечатки рук и кровавые подтеки. Ясно, здесь кто-то проползал до нее. Сердце девушки застучало. Кровавый след тянулся метров на пятьдесят — шестьдесят до небольшого бугорка.

«Кушко. Он, больше некому быть», — подумала Вера и быстро, очень быстро поползла по следу.

Она не ошиблась. За бугорком, в ложбинке, лежал Кушко — мокрый, в окровавленной шинели, с автоматом на шее.

Вера подползла к нему, заглянула в глаза, тихо зашептала:

— Павел, слышишь меня?.. Это я, Казакова. Посмотри.

Кушко не отзывался, но грудь его заметно вздымалась: он дышал.

«Полз до последних сил!» Вера печально вглядывалась в бледное, вымазанное кровью, землей, с подтеками пота лицо ефрейтора. «Может, и меня ждет такая же участь?»

Ранен Кушко был в плечо. Девушка с трудом разрешила мокрую шинель и гимнастерку, сделала перевязку. Потом уложила раненого поудобнее. Кушко так и не очнулся.

Не теряя времени, Вера поползла дальше. Вдруг наверху совсем недалеко и, как ей показалось, необычно громко простучал немецкий пулемет. Теперь Вера хорошо видела и вражескую траншею, и тот пулемет, короткие очереди которого слышала час назад — он и сейчас работал с небольшими перерывами, — и двух солдат у пулемета. Один гитлеровец был на виду, другой мелькнул всего лишь раз: по всей вероятности, он сидел на дне окопа. Тот, которого она видела, стоял к ней боком — небритое лицо с утиным носом и коротким, словно отпиленным, подбородком. Время от времени он поворачивал голову в ее сторону, иногда смотрел вниз, покачивал головой — очевидно, разговаривал с тем, который сидел в окопе.

«Ну, попала в переплет», — невольно вздохнула Вера и с тоской оглянулась назад, в сторону своей траншеи.

9. ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

— Все в порядке, товарищ гвардии лейтенант, — доложил старшина Сотников командиру роты — доложил четко, по-уставному и нарочно громко, чтоб вывести лейтенанта из забвения.

Белов сидел в том положении, в каком оставила его Вера. Голова его кружилась, он чувствовал слабость во всем теле, но, когда поднял глаза на старшину, взгляд его был ясен и, как всегда, серьезен. «Отошел, видать», — не без удовлетворения отметил про себя старшина.

— В порядке? Что в порядке-то?

— Отправил.

— Кого отправил?

— Санинструктора отправил. Вы же приказали...

— То есть как приказал? — встрепнулся Белов. — Кому приказал? — Опираясь рукой о стенку траншеи, он тяжело поднялся на ноги. Старшина поддержал его. — Не приказывал я.

— Она так доложила... Донесение ваше у нее!

— Какое донесение?.. А-а! Хорошенькое дельце! Исаков должен идти! Понятно?!

— Никак нет, товарищ лейтенант. Она же...

— Она, она. Думать надо. Девушку — под пули, на смерть... Не ожидал от вас!

Белов махнул рукой и своим крупным шагом, не совсем твердо, пошел по траншее. Следом за ним, подавленный, плелся Сотников. «Вот тебе и на, — размышлял старшина с досадой. — Оплошал, ничего не скажешь. И в докладе у нее все гладко получилось, и Исакова отбрила... В общем, опростоволосился!»

— Идите к взводу, — бросил ему командир роты.

Известие о самовольном уходе Казаковой подействовало на Белова отрезвляюще, точно нашатырного спирта понюхал. «О, этот наш санинструктор! Упряма. Не мытьем, так катаньем взяла! И я хорош! Сотников-то, пожалуй, здесь действительно не при чем. Ловко провела»...

Белов улыбнулся, происшествие представлялось ему уже в ином свете. «В самом деле, может, и доберется дивчина... Боевая. И запал есть. А нам, ох как помощь сейчас

нужна! Может, патрончиков подкинут по воздуху — и то счастье».

Он неторопливо обходил траншею. Последний налет был, очевидно, короткий — особых разрушений не замечалось. Только на участке старшего сержанта Круглова все было разворочено и засыпано.

— Э, браток, да у тебя здесь не повернешься, — невольно остановился Белов.

— Расчищаю, товарищ гвардии лейтенант. Семь мин немец вокруг положил. А вот эта, — Круглов рукой показал на воронку в траншее по соседству с его окопом, — чуть дух из меня не выпустила.

Только теперь командир роты увидел лицо старшего сержанта и поразился: оно все было в кровоподтеках и так распухло, что казалось неестественным.

— Да тебя же поуродовало здорово, Круглов!

— Малость землицей угостило, это верно, — сильно окая, спокойно, с расстановкой произнес старший сержант. — Почитай, тонну земли на меня сыпануло. Еле глаза продрал. Грешным делом подумал уже — всё, ослеп...

— А сейчас как с глазами? Видят?

— Сейчас да... Вот — работать можно. И стрелять тоже я уж приспособился. — Круглов осторожно ощупал кончиками пальцев кровоподтеки под глазами. — Вполне смогу, товарищ гвардии лейтенант. Сведу с ними счеты.

— Исакова тебе подошло. Он теперь за медика у нас. Лицо нужно обработать.

— После, товарищ командир. У меня времени нет. Вот dokonчу окоп, тогда Федора Исакова сам покличу.

«Молодчина! Этого не свалишь», — с уважением к старшему сержанту и гордостью за него подумал Белов. Но все же тут же послал к нему Исакова и одного бойца с лопатой помочь старшему сержанту.

Обойдя траншею и отдав нужные распоряжения, Белов заглянул к раненому парторгу. Тяжело было видеть бес-

помощного друга. Не раз уже ругал себя Белов за то, что не остановил Сергея, когда тот бросал ту злосчастную гранату.

Князев был укрыт с головой плащ-палаткой, угол ее отвернули, чтобы воздух доходил до раненого.

Белов постоял над Сергеем в безмолвии, не решаясь приподнять брезент, — лежал парторг под ним до того неподвижно, что лейтенанту страшно стало: а вдруг умер! Неуверенным движением, принуждая себя, он отвернул покрывало. Белая повязка на голове парторга была еще свежей, не запыленной, и, видимо, от этой белизны мертвенно-бледное лицо друга показалось Белову совсем безжизненным. Он взял его руку. Отыскав пульс, вздохнул с облегчением.

«Ах, Сергей Викторович. Дорогой мой. Неужели конец нашей дружбе? Нет, нет, неправда. Выкарабкаешься», — мысленно убеждал себя командир роты. Только в этот момент он по-настоящему понял Веру Казакову и порадовался тому, что она уже в пути.

Белов присел на патронный ящик и долго смотрел в строгое, спокойное лицо друга. Заживший шрам и глубокие, еще не засохшие царапины странно преображали Князева, но не лишали его прежней мужественной красоты.

Собираясь уходить, Белов приподнял за плечи парторга, желая удобнее положить его голову на сумку с противогазом, и в этот момент Князев зашевелился, плотно сомкнутые веки его раскрылись.

Некоторое время он так смотрел на командира роты, что Белов не мог определить — в сознании ли парторг.

— Что удивляешься? — негромко, но довольно внятно проговорил Князев. И было странно слышать его чистый, хоть и слабый голос. — Ничего не пойму... В голове шум... Давит ее, словно в тиски кто зажал...

Парторг попробовал приподняться, но лицо его так болезненно исказилось, что руки Белова сами потянулись

к нему, удерживая друга от лишних движений. Сергей закрыл глаза, но тут же снова раскрыл их. По его лицу Белов понял, что парторг старается что-то вспомнить.

— Постой, постой... Где же это мы находимся? Черт побери, все выпало. Владимир Викторович...

— Узнал! Вот здорово! Хорошенькое дельце. Если хочешь, это победа, дружище! — обрадованно восклицал Белов, в нетерпении то вставая, то опять опускаясь на ящик. — Положение наше не изменилось, все в той же траншее...

— В траншее? Вспоминаю. — Князев поднял правую руку, пошевелил пальцами, будто проверяя, подчиняются ли они, и провел по повязке на голове. — Значит, меня стукнуло...

— Да, Сергей. Погорячился ты...

— Долго я лежу?

Белов взглянул на часы.

— Два, может быть, три часа...

Как бывало уже не раз, совершенно неожиданно грохнул залп близкой минометной батареи, послышался нарастающий шелест мин, и траншеею потрясли частые, сливающиеся один с другим разрывы.

Белов нагнулся, загоразивая своим телом голову Князева.

— Начали свою музыку! — в сердцах проговорил он. Пододвинул раненого товарища плотнее к стене траншеи, натянул на лицо плащ-палатку.

— Накрыл тебя, Сергей. А то глаза пылью запорошит. Я побежал. Теперь скоро атаки жди. Подготовиться надо.

На горе загредел второй залп, и лейтенант едва успел укрыться в окопе Исакова.

— Сабантуй вновь зарядили, товарищ гвардии лейтенант.

— Раненых смотрел? — строго спросил Белов.

— Так точно. Все живы. Старший лейтенант никак в себя не придет.

— Пришел уже. Смотри в оба...

И, выбегая из окопа, закричал на ходу:

— Командиры взводов — ко мне!

Команда его потонула в новом грохоте разрывов.

«Чёрт бы вас...» — выругался лейтенант, снова укрываясь в окопе и с нетерпением ожидая, когда пролетят осколки.

Промежутки между залпами были настолько короткими, что он едва успевал выглядывать из траншеи. Впереди все плотнее, чернее и выше подымалась смрадная пыльно-дымовая завеса.

— Старшина Сотников явился по вашему вызову, — услышал Белов у себя за спиной.

Продолжая наблюдать, он махнул рукой, прося подождать. Огонь как будто переносили влево.

— Сержант Крутиков явился...

— А почему Крутиков? — повернулся командир роты. Старшина и массивный сержант стояли перед ним навывтяжку.

— Старший сержант Круглов... приказал долго жить... Прямым попаданием...

— Так... — мрачно оборвал Белов. — Думаю, атаковать они справа будут. Исакова, Ложкина и Одинцова — на правый фланг. Смотреть в оба. По местам!

Противник сделал еще три — четыре огневых налета по правому флангу траншеи, что окончательно убедило командира роты в намерении врага. Он передвинул на угрожаемый участок старшину Сотникова, а сам перебрался в его окоп. Отсюда и увидел он ползущую вражескую цепь...

— Товарищ лейтенант, лезут! — прерывающимся от волнения голосом прокричал рядом Исаков.

— Вижу! Пусть лезут! — оборвал лейтенант, даже довольный тем, что начинается атака и затихнет этот изнуряющий огонь минометов. — Без команды не стрелять! Двух бойцов ко мне!

Прозвучал последний залп, и цепь фашистов дружно бросилась в атаку с явным намерением зайти в тыл гвардейцам. Бойцы застыли у автоматов. Их было очень мало в длинной, исполосованной разрывами траншее.

Белов издали заметил в цепи фашистского офицера. Невысокий, хорошо тренированный, он бежал не сгибаясь и что-то кричал. Когда цепь приблизилась метров на сорок, офицер выхватил гранату. Белов хорошо видел, как он рванул предохранитель, изготовился к броску, и — лейтенант нажал на спусковой крючок автомата:

— Огонь!

Застигнутый пулей на взмахе, выронив гранату, фашистский офицер по инерции пробежал еще три — четыре шага и головой ткнулся в землю.

Белов и стоявший вблизи Исаков расстреляли редкую на левом фланге вражескую цепь и развернулись было вправо, как рядом с ними упала и тут же разорвалась граната. Белова сильно встряхнуло, ударило о землю. Выпустив из рук автомат, цепляясь пальцами за земляную стенку, он медленно повалился на дно траншеи.

В эти самые секунды несколько фашистских солдат спрыгнули в траншею. Один из них оказался у самых ног укрытого плащ-палаткой и наполовину засыпанного землей Князева.

Парторг внимательно прислушивался к ходу боя. Он уловил и команду лейтенанта, и дружный огонь гвардейцев, услышал, как над головой простучала короткая очередь немецкого автомата, почувствовал шуршание по стенкам траншеи.

Что-то тяжелое грохнулось рядом с ним. Чуть ли не у самого уха раздалась очередь чужого автомата.

Сергей сдвинул с глаз плащ-палатку и в ногах у себя увидел коренастого немца в каске. Немец стоял к нему спиной и стрелял вдоль траншеи. Правая рука старшего лейтенанта привычным движением пробежала по поясу, наткнулась на кобуру. С большим трудом он извлек оружие, взвел курок и задрожавшей от усилия рукой поднял пистолет. Не целясь нажал на спусковой крючок раз, другой, третий... Немец взмахнул руками и повалился прямо на ноги Князева. Автомат его ударил о стенку траншеи и прикладом ткнулся в раненую голову парторга. Сергей замер от непереносимой боли, но через секунду он уже не чувствовал ее, погрузившись в полузабытье. Исчезла окружающая действительность, и наполовину дремлющая мысль переметнулась далеко на север, в Ленинград, на родину.

Ему представился проспект Гааза, большой серый четырехэтажный дом, где с двадцатого года проживали его отец, мать и он вместе с братом и сестрами... А вот огромные корпуса старейшего в городе Кировского завода. Здесь десятки лет работали его прадед, дед, более сорока лет трудился в турбинном цехе отец — Виктор Кузьмич Князев.

На этом заводе три года, до призыва в Красную Армию, проработал слесарем-лекальщиком и он, Сергей Князев. В 1939 году его призвали на действительную службу, он участвовал в боях с белофиннами, потом учился в Военном дважды краснознаменном училище имени Фридриха Энгельса, оттуда его направили в десантную бригаду, преобразованную после в гвардейский полк.

Постепенно мысли Князева становились все расплывчатее, неопределеннее. Прояснения памяти чередовались с полными провалами ее. Вот он вспомнил последнее письмо из дому... увидел старенькую, иссохшую от недоедания мать, склонившуюся над сестрой Таней, умираю-

шей от голода. Нужно помочь, помочь им... Но он снова словно проваливается куда-то, кругом туман, туман...

И опять короткое просветление. Перед ним мелькнуло свежее девичье лицо, родные глаза... Вера...

«Почему же она не подходит?» — успел подумать Сергей. И опять все закружилось перед глазами.

Он окончательно потерял сознание.

Лейтенант Белов очнулся. Сознание сразу отметило необычную тишину. Увидел лицо Исакова, склонившегося над ним, знакомую стену траншеи.

«Значит, кончилось? Отбили? Без меня? Сколько же я лежал?» — Белов пошевелил головой — больно, приподнял руку — больно, ногой шевельнул — тоже острая боль.

— Лежите, лежите, товарищ гвардии лейтенант. Тряхнуло вас здорово, даже меня напугали, — ласково заговорил Исаков, довольный тем, что его старания помогли и командир роты пришел в себя. — В лицо вам попало, в шею, в руки, ноги... восемнадцать осколков... Кругом изранены. Вот как я вас спеленал...

Белов хотел подняться и не смог: все тело его стягивали бинты.

— Так что — положено лежать, товарищ гвардии лейтенант.

— Положено, да не нам, — возразил Белов с удовлетворением отмечая, что память у него ясная и боль не так уж сильно донимает. — Помогй подняться.

С помощью Исакова лейтенант сел у стены.

— Сотникова ко мне!

— Я здесь, товарищ гвардии лейтенант! — четко доложил подоспевший старшина.

— Очень хорошо. Жив и невредим? Молодец! — произнес лейтенант, ощупывая посветлевшими глазами ладную фигуру Сотникова. — Докладывай обстановку.

— Атака отбита, товарищ ротный командир. Четырем удалось спуститься в траншею...

— Значит, в гости пожаловали? Хорошенькое дельце!

— Именно, побывали в гостях. Всех встретили. Одного товарищ гвардии старший лейтенант кончил...

— Князев?! Встал? — изумленно выкрикнул Белов.

— Нельзя сказать, чтоб встал... — замылся старшина.

— Лёжа действовал. Застреленного фрица на нем нашли. Без памяти сейчас, — вставил Исаков.

— Докладывайте дальше. Сколько боеприпасов в наличии, потери...

Старшина доложил все по порядку: убитыми потеряли еще двоих, ранен Крутиков, второе ранение получил сфрейтор Ануфриев, засыпало Ложкина. Боеприпасов израсходовали сравнительно мало.

— Да? Ну-ка, помогите мне перебраться на мое место.

Исаков и старшина усадили ротного на скрещенные руки и понесли, как на стуле, поддерживая за спину. Из

окопов их провожали настороженные взгляды немногочисленных бойцов.

— Опять всю траншею завалило...

— Точно, товарищ гвардии лейтенант, шибко завалило. Я приказал... — работа идет. Исправим.

— Молодчина, старшина.

Белова хотели сразу доставить на НП, но он приказал поднести его сначала к парторгу.

Убитого немца уже оттащили от Князева. Парторг лежал в прежней позе на спине, вытянувшись во весь рост, и, казалось, спал. Повязка на его голове пропиталась кровью. Лицо начало опухать. На груди чуть заметно увеличилась при дыхании плащ-палатка. Правая рука с зажатым в ней пистолетом была откинута в сторону.

— Последней пульсй прикончил, — тихо проговорил старшина.

Лейтенант попросил передать ему пистолет — он действительно был разряжен до последнего патрона. Тогда лейтенант заполнил обойму, дослал патрон и приказал положить пистолет около правой руки парторга.

— Почем знать, может, еще раз потребуется...

Белову хотелось постоять возле товарища, но было неловко задерживать людей, и нужно было приступить к своим обязанностям. Он приказал отнести себя на НП.

— Еще раз проверить всё! Траншею привести в полный порядок. Быть готовыми к отражению новой атаки!

10. ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Опасный участок пути Вера начала переползать в тот момент, когда гитлеровский солдат поставил перед собой консервную банку и принялся за еду. Она заранее прикинула свой путь от одного камня до другого и передви-

галась осторожно, без стука переставляя свой автомат и не спуская глаз с немца.

Оставив позади бóльшую часть трудного пути, она, наконец, достигла огромного черного камня. С лица ее градом катился пот, руки дрожали от пережитого только что волнения и напряжения. Вера сняла с головы каску, положила ее возле автомата и осторожно выглянула из-за укрытия.

Предстояло добраться до последнего камня. Он лежал как раз на противоположном конце своеобразной прибрежной площадки, совсем близко от воды.

«Можно считать, почти добралась», — облегченно подумала девушка, ощупывая глазами серый, с темными прожилками вросший в землю камень.

И вот, когда до камня осталось не больше двух метров, с горы раздался резкий окрик: «Хальт! Хальт!». Немецкий солдат, наполовину выбравшись из окопа, энергично махал рукой в сторону Веры, как бы подкрепляя этим свой приказ — стоять на месте. Вера успела заметить, что появился и второй солдат, вскинул автомат, повернулся в ее сторону...

Пули длинной автоматной очереди просвистели над головой, но Вера уже была за камнем. Яростно застрочил станковый пулемет. Немцы стреляли метко — пули ударили о камень, издавая какие-то характерные хлопки. «Разрывными!»

Сердце девушки сильно стучало, к голове прилила кровь, но мысль оставалась ясной. Крепко сжимая в синевшей, в кровь расцарапанной руке автомат, Вера прежде всего осмотрела берег впереди.

В нескольких метрах от ее камня начиналась песчаная кромка; она проходила около самой воды, прикрываемая сверху прибрежной кручей. «Скорее туда... Но как прорваться?»

Сняв каску, Вера высунула краешек ее из-за камня. Сейчас же прогремела короткая пулеметная очередь.

«Во все глаза следят!» — подумала Вера.

Она снова повторила прием с каской и снова ей ответили пулеметной очередью.

Два фашиста меж тем выбрались из траншеи и короткими перебежками спускались с горы. Заметив их, Вера выпустила по ним очередь. Оба как по команде одновременно упали и отползли чуть в сторону. Фашистский пулеметчик, прикрывая их, начал поливать свинцовым дождем камень. Открыли огонь из автоматов и те двос. Как и пулеметчик, они не могли видеть Казакову и обстреливали только камень. Вскоре гитлеровцы сделали новую попытку приблизиться к ней. Вера, сдерживая дыхание, прицелилась точнее. Она услышала, как один из них вскрикнул и, озираясь, пополз обратно.

— Ага! Ожегся! — обрадовалась Вера. — Счастье твое — патронов в магазине мало. Получил бы сполна.

Она прекрасно понимала, что задерживаться у камня нельзя, здесь она погибнет. «Только двигаться... двигаться». Вера измерила глазами расстояние от камня до заветной песчаной кромки. «Всего три — четыре метра, но как их проскочить под огнем?»

Она еще раз посмотрела на врагов. Тот, раненый, уже не полз, а лежал неподвижно, ногами к берегу. Второй замаскировался за бугорком — чуть виднелась шинель на спине. Вера выпустила в эту шинель три пули. «Вот так. Поспокойнее будет».

Она приподнялась на коленях, изготовилась к броску. Длинная пулеметная очередь в самую последнюю секунду остановила ее. «Все равно не удержите!»

Вера осторожно выставила каску сзади себя и, когда пулеметчик перенес на нее огонь, двумя прыжками, словно на крыльях, перелетела открытое пространство. Сзади с запозданием затрещали разрывные пули.

«Вот так... учитесь!» — торжествовала Вера. Она вскочила на ноги и, пригибаясь, побежала под выступ берега. Станковый пулемет стучал, захлебываясь, разбрызгивая комья земли и камни. Вера почувствовала толчок.

— Никак, меня зацепило? — вслух проговорила девушка, ощупывая странно потяжелевшее плечо. Пальцы ощутили теплое влажное пятно на гимнастёрке. Взглянула на руку.

— Так и есть, ранена.

И, как будто от того что удостоверилась в этом, почувствовала колющую боль в плече. Вера присела, сделала несколько движений рукой, сжала и разжала пальцы. «Мягкие ткани задело... пустяки».

Сильного кровотечения не было, и она лишь положила на рану марлевую салфетку, прижав ее гимнастёркой.

Кругом установилась угрожающая тишина. Даже пулемет умолк. Девушка застыла в ожидании. Она хорошо слышала и учащенные удары своего сердца, и легкий шелест реки, ни на секунду не прекращающей своей работы. Вера чуть-чуть высунулась из-за кручи берега. Густой кустик полыни, клонившийся под ветром в сторону реки, удачно маскировал её.

Пулемет был развернут в ее сторону. Немного левее двое гитлеровцев устанавливали второй пулемет.

«Плохо! Надо торопиться». Она преодолела еще до сотни метров. Берег, почти нависавший над водой и надежно прикрывавший девушку, начал выравниваться, постепенно переходя в ровную, открытую со всех сторон отмель.

Неожиданно совсем близко отбил короткую очередь советский пулемет. Вера прислушалась. Максим повторил очередь.

«Максимка! Дорогой! Если бы ты знал, как приятно слышать тебя! Значит, я совсем недалеко от своих! Вот почему фашисты не преследовали меня!»

Девушка повеселела.

Открытая отмель уже не казалась страшной. Вера подползла к самому краю берега.

Ледяная днепровская вода обожгла тело. Ежась от холода, подбиравшегося к сердцу, девушка проползла несколько метров. Свист пуль, испятнавших вокруг поверхность реки, заставил ее на мгновение с головой погрузиться в воду.

Вторая пулеметная очередь оказалась более меткой. Левую руку выше локтя как будто кольнуло, кровь паутинкой расплзлась по воде.

Вера оперлась обеими руками о дно и, преодолевая боль, ползла вперед. Она не слышала больше ни стрельбы пулемета, ни беспрестанного гула, доносившегося с плацдарма. По многочисленным ударам пуль о воду она понимала, что находится в зоне плотного огня, и спешила преодолеть ее.

Когда она была на самом глубоком месте отмели и ей совсем немного осталось до крутой части берега, ее ранило в левую ногу.

Вера вскрикнула, но не остановилась. Напрягая последние силы, все-таки достигла конца отмели. И сразу же ощутила гнетущую усталость. Она села и попыталась снять сапог. Тот не снимался.

«Истеку кровью. Жгут... Скорее жгут», — шептала девушка, ища глазами, чем можно было бы перетянуть ногу. Увидела ремень на автомате, отвязала его и два раза туго перетянула им левую ногу выше колена.

Затем, морщась от боли, все-таки сняла сапог, спустила изодранный чулок и увидела развороченную разрывной пулей икру. По телу пробежала дрожь. Непослушными руками перевязала рану, вылила из сапога окровавленную воду. Хотела снова натянуть порванный в голенщике сапог, но жгучая боль заставила вскрикнуть. Тогда

она отвернула голенище. Получился своеобразный полуботинок.

Осторожно передвигая раненую ногу, Вера поползла дальше.

Силы ее иссякли; она не проползла и двух десятков шагов, как вынуждена была остановиться — кружилась голова. Когда она смотрела на простор Днепра, ей казалось, что движется не только вода, но и земля под ее руками, и берег с поблекшей осенней травой.

«Потеря крови, как всегда в таких случаях, начинает давать о себе знать, — подумала Вера. — Надо спешить, пока не истекла кровью».

Силы, однако, были на исходе. Она уже не могла подниматься на руках, не могла отрывать тело от земли.

Перед крутым берегом, спускавшимся к воде, девушка остановилась, вконец обессиленная. «Все. Дальше некуда». Сзади, из района гвардейской траншеи, ничего не было слышно: бой на плацдарме теперь заглушал все другие звуки. Совсем недалеко рвались снаряды врага, и оттуда же, где они рвались, вела огонь советская батарея. Впереди, на реке, отвесной непроницаемой стеной поднималась дымовая завеса.

Передохнув минут пять, Вера начала взбираться наверх. Она не помнила, сколько времени ползла и как ползла, — ей казалось: часа два — три. Когда, наконец, очутилась на горе, ее поразил дребезжащий гул, исходивший откуда-то с неба. Она повернулась на бок и посмотрела вверх: десятка два самолетов с фашистской свастикой, выстроившихся в колонну по одному, заканчивали боевой разворот; ведущая машина начала пикировать.

— Сколько и-х! — прошептала Вера, инстинктивно прижимаясь головой к земле. Ей показалось, что самолет пикирует точно на нее.

Глухие толчки, потрясшие, казалось, самую утробу земли, беспорядочно следовали один за другим. Вера ощу-

тила, как вслед за взрывами по ее спине, по ногам, по всему телу заколотили земляные комья, потом что-то сильно ударило в голову, в глазах потемнело, и она будто стала куда-то проваливаться...

11. НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ ПОЛКА

Сколько времени Вера лежала без памяти, она не знала. Но, видимо, не так долго: когда она очнулась, было еще светло. Сильно болела голова, в ушах шумело.

— Где я? — прошептала девушка. Перед ней швелились темные, беспокойные воды Днестра.

Она вспомнила бомбежку, тот злосчастный толчок. Потянулась рукой к голове — пальцы ощутили холодную сталь каски. Ощупала её. Никаких вмятин не было. Вера не без труда приподняла раскалывающуюся от боли голову и увидела рядом с собой увесистый ком свежей земли, скрепленной корнями травы.

— Угораздило же его! — прошептала девушка. В ушах стоял непрерывный гул, во рту было горько, её сильно тошнило. Вера осмотрелась: только теперь до ее сознания дошла причина этого непрекращающегося гула. «Это же бой!»

По вспышкам пламени, густому черному дыму, неровными клубами поднимающемуся вверх, ясно очерчивалась линия фронта. Немного правее себя Вера заметила только что зажженные дымовые шашки. Она поползла наискосок, сокращая путь, прямо на них. «За дымом меня никто не увидит. Наши где-то здесь».

Но ее увидели.

— Откуда ползешь?.. Да смотри, никак девка? — услышала она. К ней подбежал пожилой солдат с черными погонами. — Ох, как извозилась ты! Места живого нет, вся в земле. Ранена? — участливо спросил он, нагибаясь к Казаковой. — Куда шла-то, дочка?

Вера была так утомлена, измучена и так стремилась поскорее достигнуть цели, что даже не удивилась, увидев перед собой советского солдата.

— Товарищ, дорогой... мне к командиру полка Мозуренко. Срочно... Знаешь его?

Солдат опустил перед девушкой на корточки.

— Самого-то лично не знаю, но слышал — есть такой.

— Как же ты не знаешь? Его все знают...

— А откуда мне его знать-то? В его полку не служил. Мы дивизионные химики. Вот тутошнее начальство я знаю!..

— Ну, хорошо... Мне нужно к нему... — перебила девушка, — к Мозуренко. Там, там, — она показала рукой в сторону, откуда пришла, — наши люди. Помогите мне... Скорее добраться надо...

Солдат озадаченно посмотрел в ту сторону, куда показывала Вера, пожал плечами.

— Чудное ты что-то говоришь.

Дотронулся до ее одежды.

— Да ты, дочка, мокрая вся!

Он проворно скинул с себя шинель и, как малсенького ребенка, закутал в нее дрожащую от холода девушку.

— Подняться ты, полагать надо, дочка, не можешь?

— Нет, не могу...

— Сейчас, сейчас. Разом двинемся.

Солдат взял автомат Веры, отыскал в кармане бечевку, привязал ее вместо ремня и забросил автомат за спину. Затем осторожно поднял девушку на руки.

— Ты куда меня несешь?

— К командиру своему, куда же еще?! Он знает лучше меня, где этот Мозуренко. К тому же мне не полагается, дочка, уходить без разрешения. Скоро затребуют новые шашки зажигать, а я их еще не подготовил. Так что, дочка, нельзя мне уходить...

Капитан-химик из штаба дивизии выслушал девушку и сказал, что на КП штаба полка Мозуренко сейчас и здоровому человеку нелегко добраться, — все впереди простреливается. Лучше по телефону вызвать. Мимо проходил связист с двумя катушками, перекинутыми через плечо. Увидев Казакову, он в изумлении остановился и вдруг рванулся к ней.

— Вера! Сестрица наша! Ты! Откуда? А мы, грешным делом, посчитали тебя того... А где рота?

Вера очень обрадовалась встрече.

— Расскажу все... Вася... только после. Мне надо быстрее к командиру полка...

— Это мы сейчас, задержки не будет, моментом доставим.

Капитан предложил в помощь двух бойцов, но сержант Новиков, или Вася, как назвала его Казакова, отказался.

— Никого не надо выделять, товарищ капитан. Я один донесу.

Он решительно скинул с себя шинель, забросил за плечо свой карабин и автомат Веры, переданный ему солдатом-химиком.

— Вы еще не знаете эту сестру, товарищ капитан! Я ее до утра готов носить. Она меня в Сталинграде из самого пекла на своих плечах вытащила. А я что?.. Никакой помощи не надо!

Связист легко поднял на руки девушку.

— А ты, братец, осторожней, не тряхни, раненая она, — заботливо напутствовал сержанта пожилой солдат-химик.

— Уж если ты, старина, ее не расшиб, то за меня не беспокойся. Целехонькой донесу!

Солнце медленно утонуло в серебристой дымке горизонта, когда сержант доставил Веру Казакову на новый, только что перенесенный ближе к фронту командный пункт командира полка.

Подполковник Мозуренко был в отдельном окопе, соединенном узким ходом сообщения с блиндажом. Он рассматривал в бинокль поле боя и не заметил сержанта, бережно опустившего на пол девушку. В углу блиндажа, сидя на патронном ящике, что-то кричал в телефонную трубку молодой полковник.

Новиков, вытянувшись по-уставному, четко доложил ему, кто он и зачем явился.

Полковник подошел к Казаковой. Вера лежала без движения, укрытая солдатской шинелью. Она почти теряла сознание. Тусклые глаза ее безразлично смотрели на офицера.

— Товарищ Мозуренко, прошу вас сюда, — громко позвал полковник.

— Мои орлы подтянулись. С минуту на минуту должен быть наш огневой налет, и мы наверняка собьем их, — оживленно говорил с заметным украинским акцен-

том командир гвардейского полка Мозуренко, входя в блиндаж. — Что здесь стряслось?

— Санитарный инструктор с поручением от Белова прибыла.

— От Белова? — в голосе Мозуренко послышалось удивление. Он быстро подошел к девушке, нагнулся над ней.

Вера с трудом вынула из-за пазухи намокшую, сложенную вчетверо бумагу и протянула ее командиру полка.

— Приказано... лично вам вручить. Белов наспех начертил расположение нашей траншеи и огневых точек врага. Им надо быстрее помочь... Патроны у них кончаются. Быстрее...

Командир полка осторожно расправил на планшетке донесение Белова.

— Вот какие дела. А я ведь в том месте заметил какую-то возню, — сказал он полковнику. — Отмечал там огневые минометные налеты. Теперь все ясно...

— Соедините меня с командиром дивизии! — приказал полковник связисту. И показывая глазами командиру полка на Казакову, впавшую в забытие, проговорил:

— Герой! Выполнила такое трудное поручение. Срочно оказать медицинскую помощь!

12. ВЫСТОЯЛИ!

Тем временем положение гвардейцев в траншее продолжало осложняться. С большим напряжением они отбили еще две атаки, следовавшие одна за другой. Гитлеровцы, видимо, решили во что бы то ни стало покончить с упрямой ротой до наступления темноты — их последний штурм был особенно упорным. Дело опять дошло до рукопашной, в траншею ворвались пять вражеских солдат.

Одного из них застрелил Белов: увидев в трех шагах от себя прыгнувшего гитлеровца, он с огромным трудом поднялся и выстрелил, но тут же упал без сознания, отуманенный жестокой болью.

Старшина Сотников, обходя после боя траншею, считал его мертвым. Он постоял над командиром, стиснув зубы, вздохнул и пошел дальше — проверять наличный состав роты. Итоги получились невеселые: в строю осталось десять раненых и пять здоровых бойцов. Старшина и себя считал здоровым, забыв про свою контузию, про легкое ранение в левое плечо. Боеприпасы совсем были на исходе — патронов сотни две да несколько штук гранат.

«Еще одна атака — и переходи на кулаки», — думал старшина, возвращаясь после обхода на свой НП.

Солнце спряталось за темной грядой облаков на западе, но было еще светло.

Бой на плацдарме разгорался. В воздухе стоял сплошной гул. С той и другой стороны била артиллерия. То в одном, то в другом месте появлялись огромные столбы дыма, пыли и пламени. Река в районе плацдарма по-прежнему оставалась наглухо закрытой темной дымовой завесой. Сотников, медленно передвигая бинокль, старался тщательнее рассмотреть ломаную линию фронта. Но чем дольше он в нее всматривался, тем больше убеждался, что за последние часы она мало изменилась.

Подошел рядовой Исаков с медицинской сумкой за спиной и немецким автоматом на шее.

— Товарищ старшина, всех перевязал. Командир роты, кажись, скоро очнется.

— Жив? — воскликнул Сотников. — Вот здорово!

— Живой, — подтвердил Исаков, и в голосе его прозвучали задорные нотки. — Головой малость о стенку вдавился. А вот парторг без памяти. Крутиков ослаб сильно. Но кровь ему остановил... Ануфриеву плечо разрывной разворотило — отвоевался, кажись, солдат.

— Патроны у фрицев подсчитали?

— Подсчитали, товарищ старшина. У них тоже — кот наплакал.

— Возьми с десяток и иди на левый фланг. Там у нас плохо дело. До ночи, по всему виду, еще в атаку пойдут.

— Пойдут. Уж это как пить дать. Будем стоять до последнего, товарищ старшина, как панфиловцы под Москвой...

Исаков ушел, но вскоре прибежал обратно и сообщил, что ротный очнулся и зовет старшину.

Сотников обрадовался: надежней с командиром — хоть и ранен, а все подскажет что-нибудь в трудный момент.

Белов лежал вдоль траншеи, повернув голову, перевязанную темными сверху бинтами, в сторону подбегавшего старшины. Бескровные губы его чуть тронула улыбка: старшина держался молодцом.

— Как у нас дела?

Старшина доложил о положении в роте, о наличии боеприпасов, о настроении бойцов.

— Там что? — командир роты чуть двинул рукой в направлении плацдарма.

— Всё так же. Сейчас наши почему-то резко сократили огонь.

— Значит, к атаке готовятся.

Белов взглянул на часы, на серое небо над траншеей, подумал: «Теперь основные силы дивизии, считай, все на плацдарме. Жди артподготовку и атаку. Должны прорваться... И нам нужно атаки ждать».

Он дал старшине несколько поручений, а сам поднялся с помощью Исакова и привалился грудью к срезу траншеи.

Надвигались сумерки. Серое небо скрашивала лишь одна светло-оранжевая полоска на западе. Вражеские окопы подозрительно затихли. Лейтенант долго смотрел на гудящий, извергающийся, как вулкан, клубы огня и дыма

плацдарм. Добралась ли Вера Казакова или лежит где-нибудь, истекая кровью, как будет лежать и они здесь, если не придут к ним на помощь? Белов вспомнил, как еще утром он был твердо уверен, что сегодня ночью они пойдут на прорыв, к своим; но вот и ночь близится, а идти уже некому. Если не подоспеют наши — у них один выход: погибнуть геройской смертью.

Размышление ротного прервал торопливо подбегавший Сотников.

— Товарищ лейтенант, за бугром справа слышен шум танков!

Белов вздрогнул. «Только этого еще не хватало!» Он прислушался — за бугром действительно рокотал танковый мотор. И этот рокот будто унес печальные мысли ротного, даже боль в ранах приглушил. Скомандовал громко, со злостью:

— Собрать все гранаты! Приготовить связки!

— Есть приготовить связки!

Старшина еще не скрылся за изгибом траншеи, как на левом берегу возник мощный гул советской артиллерии. Словно сотни тяжелых молотов заработали враз. Огневые трассы «катиош» прочертили сумеречное небо. Били орудия всех калибров и били так часто, что отдельных выстрелов не было слышно, — всё сливалось в сплошной рёв. Белов слушал эту грозную музыку, и она казалась ему милее самых нежных мелодий. «Так и есть... артподготовка... Сейчас пойдут», — бормотал он, не отводя от плацдарма загоревшихся глаз.

— Вот дают жизни, товарищ гвардии лейтенант!

— Принеси-ка мне связку гранат! — приказал ротный Исакову. — Остальные связки старшине. Скажи людям — танки пропускать, лежа на дне. Пехоту отсекай. Быстро давай.

Заговорили вражеские окопы. Залпы минометной батареи следовали один за другим. Из-за бугра показались

два средних танка и пошли, покачиваясь, к траншее. Белов ждал, затаив дыхание: сколько еще их покажется? Но танков больше не было, и пехоты, как удалось ему заметить, двигалось за ними немного.

— Ага! Всего только и наскребли? Понятно. С двумя-то мы как-нибудь справимся.

Минометный налет окончился. Теперь отчетливее стал слышен рокот танковых моторов да стрекот пулеметов.

Запыхавшись, прибежал Исаков, принес связку из четырех гранат.

— Товарищ лейтенант, вам не бросить, вы израненный, дозвоьте мне, — взмолился он, встав перед ротным по стойке «смирно». — Жалко, если промахнетесь.

Белов подержал в руке увесистую связку, попытался поднять руку выше — не получилось.

— У старшины сколько связок?

— Одна осталась.

— Только одна? В таком случае — держи. Но смотри, брат... если промахнешься — на глаза не показывайся.

Исаков принял связку, как бесценный подарок, и сразу же метнулся влево, к выступу траншеи, куда направлялся второй танк.

Ротный проверил патроны в диске, прилачился поудобней на бруствере. Левая нога нестерпимо ныла, он перенес всю тяжесть тела на правую и стиснул зубы, сдерживая острую, колющую боль. Он уже не подавал команды «Огонь». Патронов у бойцов было так мало, что каждый сам понимал, когда ему выгодней стрелять.

Первый танк, строча из пулеметов, уже подходил к траншее, левый край которой сильно выдавался вперед. Вплотную к нему жались пехотинцы. Белов хорошо видел их из своего окопа, но стрелять не решался — далеко все-таки.

Неожиданно ухнул оглушительный взрыв, танк завертелся на месте с перебитой гусеницей; из-за него брыз-

нули во все стороны пехотинцы, подставляя себя под огонь дружно заговоривших автоматов.

«Молодец Сотников! — мысленно одобрил лейтенант. — Теперь бы Исаков не подвел».

Но второй танк, круто развернувшись, пошел в сторону от Исакова, направляясь к изгибу траншеи, где стоял лейтенант.

Маневр был проделан неожиданно, и Белов едва успел сесть на дно, как слева от него показалась бронированная, лязгающая траками машина, закрывшая небо. Тут же в траншею начали спрыгивать гитлеровские пехотинцы. Белов не считал, сколько их, он только увидел, что трое бегут в его сторону, и срезал их одной автоматной очередью. Основная группа вражеских пехотинцев побежала по траншее в другую сторону. Оттуда послышались выстрелы. Покрякивая от невыносимой боли в ногах, лейтенант пополз на выстрелы и вскоре увидел на дне траншеи странную, молчаливую возню. Два немецких солдата, изгибаясь, что-то тянули к себе, падали и, вскочив, опять тянули. Белов, привстав на колено, прицелился и нажал уж было спусковой крючок, но вовремя заметил: на земле лежит Крутиков и в обеих руках держит немецкие автоматы, которые фашисты никак не могут вырвать из его могучих рук. Боясь попасть в раненого сержанта, Белов прилег на дно траншеи и сделал два одиночных выстрела. Оба немца повалились возле сержанта.

Лейтенант попытался вскочить на ноги, чтобы броситься к Крутикову, но не смог. Где-то рядом послышался мощный взрыв и следом за ним — сильный рёв танкового мотора.

«Исаков... не промахнулся, видно... не пропала связка».

Несколько минут Белов лежал, ожидая, когда уймется боль. От огромного напряжения на теле выступила липкая испарина. Где-то вверху все еще метался раздирающий рев танка, но выстрелы в траншее затихли.

— Неужели отбили?

Подбежал Исаков.

— Товарищ лейтенант! Живы ли?

— Жив, дружище. — Ротному захотелось обнять бойца.

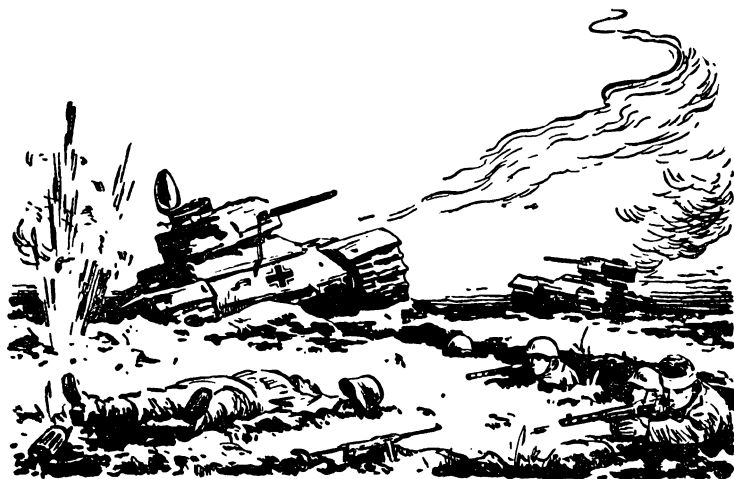
— Что на правом фланге? Отбили? С Крутиковым что?

— Со всеми, товарищ лейтенант, разделались. Мало, видать, у них силенки... Крутиков лежит в забытьи, ран новых не обнаружил. Старшину контузило, оглох. Один боец из пополнения убит. Двос ранены. Побегу перевязывать.

— Помогите встать.

— Лежали б вы, товарищ лейтенант.

— Не-ет. — Белов поднялся, преодолевая вновь вспыхнувшую боль. В траншее стояла мертвая тишина — рёв танка прекратился. — Сколько же нас осталось?

— Четверо здоровых, товарищ лейтенант. Поцарапаны, правда, я только совсем целый. Восемь раненых, но говорят, что могут еще...

— Да-а. Вот тебе и седьмая рота... Скажи сержанту Одинцову, пусть будет заместителем у старшины. За экипажами танков следить. У немцев, что здесь уложили, учесть все боеприпасы. Доложить потом мне.

Лейтенант привалился к стене траншеи. Заметно похолодало. Очертания предметов тонули в полутьме. Громады танков чернели, точно копны. Над плацдармом клубилось багровое зарево. По вспышкам выстрелов, по разрывам Белов понял, что линия фронта резко переместилась на северо-запад — очевидно, дивизия прорвала оборону и двинулась в направлении Днепропетровска.

«Дошла ли Вера до Мозуренко? Если дошла — подполковник не забудет про нас. А может, обстановка сложилась нескладно?.. Не до нас?.. Четверо здоровых, восемь раненых... И меня считает? Лишь бы ночью не пошли в атаку. А сколько же всех раненых? Жив ли парторг? Ох, как трещит голова... Охранские надо выставить... Днепропетровск... Будем держаться...»

Когда Исаков вернулся с донесением, командир роты крепко спал, сидя в неудобной позе, — видимо, внезапно сморила усталость. Лоб у него был холодный, дыхание затрудненное, неровное, но глубокое. Исаков хотел положить его, но побоялся разбудить.

«Пусть спит. Не знаю, как он и на ногах держался. Столько ран на нем, крови столько потерял»...

...Два часа ночи. Слабо сереет беззвездное небо над прорезью траншеи. В траншее — полная темнота. И тихо. Порой слышен хрип или стон раненого, короткий вскрик. Бой с плацдарма передвинулся далеко вправо, его чуть слышно.

Спотыкаясь о трупы немцев, Исаков осторожно бредет по траншее. Глаза почти ничего не различают в темноте, но он по памяти знает, где кто лежит, и часто останавливается около раненых. Одному даст хлебнуть из фляги свежей днепровской воды, другому свернет папироску, с третьим просто так перекинется теплым словом. Иногда он высовывается над бруствером и до рези в глазах всматривается в беспросветный мрак, за которым притаились вражеские окопы: не ползут ли фашисты? Изредка оттуда летят в сторону гвардейцев ленивые, беззвучные очереди трассирующих пуль.

«Спокойно, кажись... Не до нас фрицам», — мысленно рассуждает Исаков и идет дальше по полузасыпанной черной траншее. На резком изгибе ее он замедляет шаг: где-то здесь лежит Крутиков. Исаков шарит по земле руками, тихонько окликает сержанта.

— Здесь я, — глухо отзывается голос.

Сержант сидит метрах в десяти от прежнего места.

— Ожил, герой?

— Есть до смерти захотел... Вещмешок не могу найти...

— О, то дело! На поправку, значит? Сейчас... я вроде тоже проголодался.

Исаков приносит свой вещмешок. Некоторое время они молча, с аппетитом едят хлеб и мясо, сталкиваясь в темноте руками.

— Полегчало, сержант?

— Ослаб малость. Нога дюже ноет и бок... Как, потвоему, выкарабкаемся?

— Рук не опустим — выстоим. Одно боюсь: ночью чтоб фриц не полез... Да ночью он не любит, потрепали мы его за день-то, тоже, небось, передышки хочет. На заре, может, начнет, тут уж смотри, сержант.

Но думаю, не очень-то будет на рожон лезть, капут его дело. Наши вон на Днепропетровск тронулись. Не до

нас фрицу, сам, поди, думает, как скорее удочки отсюда смотать.

За ночь Исаков не раз высказывал товарищам свои мысли, голос его звучит убежденно и твердо, вселяя бодрость в душу раненого сержанта.

— Автомат-то не потерял?

— Ну ты скажешь тоже... Вещмешок могу потерять, а оружие всегда при мне. Вот он.

— Да я к слову... Пойду, сержант. В случае чего, ты...

— Ясно.

Исаков идет дальше, улыбаясь в темноте своим мыслям. Он сильно устал за сутки, его клонит ко сну, но уснуть сейчас — самое опасное: только четверо их осталось, кто может неустанно следить за врагом.

— Не заснул, сержант? — окликает он, безошибочно останавливаясь у знакомого, неразличимого в темноте окопчика.

— А-а... Милосердная сестричка! — с дружеской усмешкой отзывается невидимый сержант Одинцов. — Взгляни давай. Шум какой-то... не нравится мне.

Исаков втискивается в окоп рядом с сержантом. В расположении противника происходило какое-то скрытое неясное движение. Оба высунулись из окопа, вглядываясь в черную мглу. Тишину ночи оборвали вдруг частые, показавшиеся очень громкими выстрелы. Белая ракета взвилась над траншеей противника, заливая все дрожащим, призрачным светом. Стрельба вспыхнула и на флангах; заговорили пулеметы.

— Беги к ротному, разбуди, — тревожно приказал сержант. — Ох, не по нутру мне эта музыка. Скорей беги!

Лейтенант Белов встrepенулся, как только Исаков тронул его за плечо.

— Затевают что-то фрицы, товарищ командир.

Белов рванулся было, но тут же, ахнув, сел опять.

— Черт... Помогите мне... Времени сколько?

— Третий час.

— Почему не разбудили?

— Вам отдых требуется, товарищ гвардии...

— Хорошенькое дельце... Отдых. Что за чехарда там?

Он встал, поддерживаемый Исаковым, и в первую минуту ничего не мог сообразить. Стрельба у противника сильная, но ни знакомого посвистывания пуль, ни характерного разрыва их при ударе о землю.

— Пули-то, видно, идут много выше нас, — заметил Исаков, примостившись рядом с командиром на бруствере. — Будто спросонья палят.

— Тут не то, друг. Стрельба-то идет с двух сторон...

— И правда, с двух! — радостно вскричал Исаков. — Да то ж наши стреляют, товарищ лейтенант!.. Максим бьет! Он! Точно!

Белов почувствовал, как сладостно забилося сердце и задрожали от волнения ноги.

— Казакова сообщила! Факт! Вот девушка!

Со стороны противника вспыхнуло в ночной мгле раскатыстое «ура!». Невидимые однополчане будто приветствовали своих заждавшихся соратников, будто говорили им через вражеские позиции, что они здесь, что они пришли.

— На-аши! — закричал Исаков, повернувшись к траншее. — На-аши! Наши, товарищ лейтенант!

Он вдруг обхватил руками Белова и так стиснул его во внезапном порыве, что тот охнул.

— Да ты с ума сошел! На мне ж живого места нет!

— Простите, товарищ лейтенант. Запоматовав я.

— Беги, передай Одинцову: пусть две красные ракеты выпустит над нашей траншеей.

Стрельба в стороне противника то разгоралась, то ослабевала, распадаясь на отдельные очаги. Дело там, видимо, быстро шло к развязке.

— Наши! Наши пришли! Братцы... наши! — радостно, во весь голос кричал Исаков, бегая по траншее.

Белов жадно смотрел вперед, счастливая улыбка застыла на его измученном лице. «Выстояли... Выдержали», — повторял он, чуть шевеля сухими, растрескавшимися губами. Ему хотелось дойти до Князева, сказать ему об этом — для парторга такая весть была бы лучше всякого лекарства, — но без посторонней помощи он не мог сделать и шагу.

Высоко, раздвигая непроглядную тьму, взвились красные приветственные ракеты. Они еще не упали на землю, как в траншее вспыхнуло троекратное «ура». Кричали нестройно и не очень громко, но однополчане услышали и ответили таким могучим и дружным «ура!», что заглушили шум утихавшего боя.

Кто-то не выдержал, вылез из траншеи и встал во весь рост, освещенный мерцающим светом ракеты. Рядом с ним появился второй человек, третий, четвертый... И вот Белов с завистью увидел, что все они бросились вперед, к вражеским окопам. Оттуда навстречу им тоже спешили бойцы, что-то крича и размахивая автоматами.

Впереди всех бежал рослый плечистый капитан, командир третьего батальона, в который входила седьмая рота...

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. И снова с однополчанами	3
2. Ночь на Днепре	10
3. На той стороне	20
4. Обстановка усложняется	31
5. Схватка в траншее	43
6. Шестая атака	49
7. С ответственным поручением	64
8. Встреча	77
9. Последний патрон	81
10. Только вперед	91
11. На командном пункте полка	97
12. Выстояли!	101

Никольский Николай Сергеевич
НОЧЬ НА ДНЕПРЕ

Редактор *Платошкин М. Н.*

Художник *Лыков В. М.*

Технический редактор *Гаврилова А. М.*

Корректор *Симакова И. А.*

Сдано в набор 5,5,58 г.

Г-40634

Подписано к печати 2.8.58 г.

Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂ — 3¹/₂ печ. л. = 4,795 усл. печ. л. 5,009 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/10035

Зак. 1007

I-я типография

Военного издательства Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 2 р. 50 к.

Цена 2 р. 50 к.